Р2
Медовыков
Б 701

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

ТЕАТРЪ

БАЛАГАНЧИКЪ—КОРОЛЬ
НА ПЛОЩАДИ—НЕЗНАКОМКА—
РОЗА И КРЕСТЪ

Изданіе третье

ПЕТЕРБУРГЪ
Издательство „ЗЕМЛЯ“
MCMXVIII

n.14

n.16

n.17

ЗЕМЛЯ

Р2
Б701

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

ТЕАТРЪ

БАЛАГАНЧИКЪ — КОРОЛЬ НА ПЛОЩАДИ — НЕЗНАКОМКА — РОЗА И КРЕСТЪ

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

М 12 11 136
Д06
~79

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издательство „ЗЕМЛЯ“
MCMXVIII

18
РЕД.
РФ

ТЕАТР

Первая Государственная Типографія
Гатчинская 26

Волгоградская область
библиотека
им. М. Горького

БАЛАГАНЧИКЪ

Посвящается

Всеволоду Эмильевичу

Мейерхольду

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

КОЛОМБИНА.

ПЬЕРО.

АРЛЕКИНЪ.

МИСТИКИ обоего пола въ сюртукахъ и модныхъ платьяхъ, а потомъ въ маскахъ и маскарадныхъ костюмахъ.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ МИСТИЧЕСКАГО СОБРАНІЯ.

ТРИ ПАРЫ ВЛЮБЛЕННЫХЪ.

ПАЯЦЪ.

АВТОРЪ.

Обыкновенная театральная комната съ тремя стѣнами, окномъ и дверью.

У освѣщеннаго стола съ сосредоточеннымъ видомъ сидятъ мистики обоего пола—въ сюртукахъ и модныхъ платьяхъ. Нѣсколько поодаль, у окна сидитъ Пьеро въ бѣломъ балахонѣ, мечтательный, разстроенный, блѣдный, безусый и безбровый, какъ всѣ Пьеро.

Мистики нѣкоторое время молчатъ.

Первый мистикъ.

Ты слушаешь?

Второй мистикъ.

Да.

Третій мистикъ.

Наступитъ событіе.

Пьеро.

О, вѣчный ужасъ, вѣчный мракъ!

Первый мистикъ.

Ты ждешь?

Второй мистикъ.

Я жду.

Третій мистикъ.

Ужъ близко прибытіе:
За окномъ намъ вѣтеръ подалъ знакъ.

Пьеро.

Невѣрная! Гдѣ ты? Сквозь улицы сонныя
Протянулась длинная цѣпь фонарей,
И, пара за парой, идутъ влюбленные,
Согрѣтые свѣтомъ любви своей.
Гдѣ же ты? Отчего за послѣдней парою
Не вступить и намъ въ назначенный кругъ?
Я пойду бренчать печальной гитарою
Подъ окно, гдѣ ты пляшешь въ хорѣ подругъ!
Нарумяню лицо мое, лунное, блѣдное,
Нарисую брови и усы приклею.
Слышишь ты, Коломбина, какъ сердце бѣдное
Тянетъ, тянетъ грустную пѣсню свою?

Пьеро размечтался и оживился. Но изъ-за занавѣса сбоку выглѣзаетъ обезпокоенный авторъ.

Авторъ.

Что онъ говоритъ? Почтеннѣйшая публика! Спѣшу увѣрить, что этотъ актеръ жестоко насмѣялся надъ моими авторскими правами. Дѣйствіе происходитъ зимой въ Петербургѣ. Откуда же онъ взялъ окно и гитару? Я писалъ мою драму не для балагана... Увѣряю васъ...

Внезапно застыдившись своего неожиданнаго появленія, прячется обратно за занавѣсъ.

Пьеро.

(Онъ не обратилъ вниманія на автора. Сидитъ и мечтательно вздыхаетъ).

Коломбина!

Первый мистикъ.

Ты слушаешь?

Второй мистикъ.

Да.

Третій мистикъ.

Приближается дѣва изъ дальней страны.

Первый мистикъ.

О, какъ мраморъ—черты!

Второй мистикъ.

О, въ очахъ—пустота

Третій мистикъ.

О, какой чистоты и какой бѣлизны!

Первый мистикъ.

Подойдетъ—и мгновенно замрутъ голоса.

Второй мистикъ.

Да. Молчанье наступитъ.

Третій мистикъ.

Надолго ли?

Первый мистикъ.

Да.

Второй мистикъ.

Вся бѣла, какъ снѣга.

Третій мистикъ.

За плечами—коса.

Первый мистикъ.

Кто-жъ она?

Второй наклоняется и что-то шепчетъ на ухо первому.

Второй мистикъ.

Ты не выдашь меня?

Первый мистикъ (въ неподдѣльномъ ужасѣ:)

Никогда!

Авторъ опять испуганно высовывается, но быстро исчезаетъ, какъ будто его оттянулъ кто-то за фалды.

Пьеро (попрежнему, мечтательно).

Коломбина! Приди!

Первый мистикъ.

Тише! Слышишь шаги!

Второй мистикъ.

Слышу шелестъ и вздохи.

Третій мистикъ.

О, кто среди насъ?

Первый мистикъ.

Кто въ окнѣ?

Второй мистикъ.

Кто за дверью?

Третій мистикъ.

Не видно ни зги.

Первый мистикъ.

Посвѣти. Не она ли пришла въ этотъ часъ?

Второй мистикъ поднимаетъ свѣчу.

Совершенно неожиданно и непонятно откуда, появляется у стола необыкновенно красивая дѣвушка съ простымъ и тихимъ лицомъ матовоій бѣлизны. Она въ бѣломъ. Равнодушенъ взоръ спокойныхъ глазъ. За плечами лежитъ заплетенная коса.

Дѣвушка стоитъ неподвижно. Восторженный Пьеро молитвенно опускается на колѣни. Замѣтно, что слезы душатъ его. Все для него—неизреченно.

Мистики въ ужасѣ откинулись на спинки стульевъ. У одного без-

помощно болтается нога. Другой производитъ странныя движенія рукой. Третій выкатилъ глаза. Черезъ нѣкоторое время очнувшись, громко шепчутъ.

— Прибыла!
— Какъ бѣла ея одежда!
— Пустота въ глазахъ ея!
— Черты блѣдны, какъ мраморъ!
— За плечами коса!
— Это—смерть!

Пьеро услыхалъ. Медленно поднявшись, онъ подходитъ къ дѣвушкѣ, беретъ ее за руку и выводитъ на средину сцены. Онъ говоритъ голосомъ звонкимъ и радостнымъ, какъ первый ударъ колокола.

Господа! Вы ошибаетесь! Это—Коломбина! Это—моя невѣста!

Общій ужасъ. Руки всплеснулись. Фалды сюртуковъ раскачиваются. Предсѣдатель собранія торжественно подходитъ къ Пьеро.

Предсѣдатель.

— Вы съ ума сошли. Весь вечеръ мы ждали событій. Мы дождались. Она пришла къ намъ—тихая избавительница. Насъ посѣтила смерть.

Пьеро (звонкимъ, дѣтскимъ голосомъ):

Я не слушаю сказокъ. Я—простой человѣкъ. Вы не обманете меня. Это—Коломбина. Это—моя невѣста.

Предсѣдатель.

Господа! Нашъ бѣдный другъ сошелъ съ ума отъ страха. Онъ никогда не думалъ о томъ, къ чему мы готовились всю жизнь. Онъ не измѣрилъ глубинъ и не приготовился встрѣтить покорно Блѣдную Подругу въ послѣдній часъ. Простимъ великодушно простеца. (Обращается къ Пьеро). Братъ, тебѣ нельзя оставаться здѣсь. Ты помѣшаешь нашей послѣдней вечерѣ. Но, прошу тебя, вглядись еще разъ въ ея черты: ты видишь, какъ бѣла ея одежда; и какая блѣдность въ чертахъ; о, она бѣла, какъ снѣга на вершинахъ! Очи ея отражаютъ зеркальную пустоту. Неужели ты не видишь косы за плечами? Ты не узнаешь смерти?

Пьеро (по блѣдному лицу бродитъ растерянная улыбка).

Я ухожу. Или вы правы, и я—несчастный сумасшедшій. Или вы сошли съ ума—и я одинокій, непонятый вздыхатель. Носи меня, вьюга, по улицамъ! О, вѣчный ужасъ! Вѣчный мракъ!

Коломбина (идетъ къ выходу вслѣдъ за Пьеро).

Я не оставлю тебя.

Пьеро остановился, растерянъ. Предсѣдатель умоляюще складываетъ руки.

Предсѣдатель.

Легкій призракъ! Мы всю жизнь ждали тебя! Не покидай насъ!

Появляется стройный юноша въ платьѣ Арлекина. На немъ серебристыми голосами поютъ бубенцы.

Арлекинъ (подходитъ къ Коломбинѣ).

Жду тебя на распутьяхъ, подруга,
Въ сѣрыхъ сумеркахъ зимняго дня!
Надъ тобою поетъ моя вьюга,
Для тебя бубенцами звеня!

Онъ кладетъ руку на плечо Пьеро. — Пьеро свалился навзничь и лежитъ безъ движенія въ бѣломъ балахонѣ. Арлекинъ уводитъ Коломбину за руку. Она улыбнулась ему. Общій упадокъ настроенія. Всѣ безжизненно повисли на стульяхъ. Рукава сюртуковъ вытянулись и за-

крыли кисти рукъ, будто рукъ и не было. Головы ушли въ воротники. Кажется, на стульяхъ висятъ пустые сюртуки.

Вдругъ Пьеро вскочилъ и убѣжалъ. Занавѣсъ сдвигается. Въ ту же минуту на подмостки передъ занавѣсомъ выскакиваетъ взъерошенный и взволнованный авторъ.

Авторъ.

Милостивые государи и государыни! Я глубоко извиняюсь передъ вами, но снимаю съ себя всякую отвѣтственность! Надо мной издѣваются! Я писалъ реальнѣйшую пьесу, сущность которой считаю долгомъ изложить передъ вами въ немногихъ словахъ: дѣло идетъ о взаимной любви двухъ юныхъ душъ! Имъ преграждаетъ путь третье лицо: но преграды наконецъ падаютъ, и любящіе навѣки соединяются законнымъ бракомъ! Я никогда не рядилъ моихъ героевъ въ шутовское платье! Они безъ моего вѣдома разыгрываютъ какую-то старую легенду! Я не признаю никакихъ легендъ, никакихъ миѳовъ и прочихъ пошлостей! Тѣмъ болѣе— аллегорической игры словами: неприлично называть косой смерти женскую косу! Это порочитъ дамское сословіе! Милостивые государи...

Высунувшаяся изъ-за занавѣса рука хватаетъ автора за шиворотъ. Онъ съ крикомъ исчезаетъ за кулисой. Занавѣсъ быстро раздергивается.

Балъ. Маски кружатся подъ тихіе звуки танца. Среди нихъ прогуливаются другія маски, рыцари, дамы, паяцы.

Грустный Пьеро сидитъ среди сцены на той скамьѣ, гдѣ обыкновенно цѣлуются Венера и Тангейзеръ.

Пьеро.

Я стоялъ межъ двумя фонарями
И слушалъ ихъ голоса,
Какъ шептались, закрывшись плащами,
Цѣловала ихъ ночь въ глаза.

И свила серебристая вьюга
Имъ вѣнчальный перстень-кольцо.
И я видѣлъ сквозь ночь—подруга
Улыбнулась ему въ лицо.

Ахъ, тогда въ извозчичьи сани
Онъ подругу мою усадилъ!
Я бродилъ въ морозномъ туманѣ,
Издали за ними слѣдилъ.

Ахъ, сѣтями ее онъ опуталъ
И, смѣясь, звенѣлъ бубенцомъ!
Но, когда онъ ее закуталъ,—
Ахъ, подруга свалилась ничкомъ!

№ 12 11 136

Онъ ее ничѣмъ не обидѣлъ,
Но подруга упала въ снѣгъ!
Не могла удержаться, сидя!..
Я не могъ сдержать свой смѣхъ!..

И, подъ пляску морозныхъ иголъ,
Вкругъ подруги картонной моей—
Онъ звенѣлъ и высоко прыгалъ,
Я за нимъ плясалъ вкругъ саней!

И мы пѣли на улицѣ сонной:
— «Ахъ какая стряслась бѣда!»
А вверху—надъ подругой картонной—
Высоко зеленѣла звѣзда.

И всю ночь по улицамъ снѣжнымъ
Мы брели—Арлекинъ и Пьеро...
Онъ прижался ко мнѣ такъ нѣжно,
Щекотало мнѣ носъ перо!

Онъ шепталъ мнѣ:—«Братъ мой, мы вмѣстѣ,
Неразлучны на много дней...
Погрустимъ съ тобой о невѣстѣ,
О картонной невѣстѣ твоей!»

Пьеро грустно удаляется.

Черезъ нѣкоторое время на той же скамьѣ обнаруживается пара влюбленныхъ. Онъ въ голубомъ, она въ розовомъ, маски — цвѣта одеждъ. Они вообразили себя въ церкви и смотрятъ вверхъ въ купола.

Волгоградская областная
библиотека
им. М. Горького

Она.

Милый, ты шепчешь—«склонись...»
Я, лицомъ опрокинута, въ куполъ смотрю.

Онъ.

Я смотрю въ непомѣрную высь—
Тамъ, гдѣ куполъ вечернюю принялъ зарю.

Она.

Какъ вверху позолота ветха.
Какъ мерцаютъ вверху образа.

Онъ.

Наша сонная повѣсть тиха.
Ты безгрѣшно закрыла глаза.

Поцѣлуй.

Она.

...Кто-то темный стоитъ у колонны
И мигаетъ лукавымъ зрачкомъ!
Я боюсь тебя, влюбленный!
Дай закрыться твоимъ плащомъ!

Молчаніе.

Онъ.

Посмотри, какъ тихи свѣчи,
Какъ заря въ куполахъ занялась.

Она.

Да. Съ тобою сладки намъ встрѣчи.
Пусть я сама тебѣ предалась.
Прижимается
къ нему.

Первую пару скрываетъ отъ зрителей тихій танецъ масокъ и паяцовъ.
Въ средину танца врывается вторая пара влюбленныхъ. Впереди—она въ черной маскѣ и вьющемся красномъ плащѣ. Позади—онъ—весь въ черномъ, гибкій, въ красной маскѣ и черномъ плащѣ. Движенія стремительны. Онъ гонится за ней, то настигая, то обгоняя ее. Вихрь плащей.

Онъ.

Оставь меня! Не мучь, не преслѣдуй!
Участи темной мнѣ не пророчь!
Ты торжествуешь свою побѣду!
Снимешь ли маску? Канешь ли въ ночь?

Она.

Иди за мной! Настигни меня!
Я страстнѣй и грустнѣй невѣсты твоей!
Гибкой рукой обними меня!
Кубокъ мой темный до дна испей!

Онъ.

Я клялся въ страстной любви—другой!
Ты мнѣ сверкнула огненнымъ взглядомъ,
Ты завела въ переулокъ глухой,
Ты отравила смертельнымъ ядомъ!

Она.

Не я манила,—плащъ мой летѣлъ
Вихремъ за мной—мой огненный другъ!
Ты самъ вступить захотѣлъ
Въ мой очарованный кругъ!

Онъ.

Смотри, колдунья! Я маску сниму!
И ты узнаешь, что я безликъ!
Ты смела мнѣ черты, завела во тьму,
Гдѣ кивалъ, кивалъ мнѣ—черный двойникъ!

Она.

Я—вольная дѣва! Путь мой—къ побѣдамъ!
Иди за мной, куда я веду!
О, ты пойдешь за огненнымъ слѣдомъ
И будешь со мной въ бреду!

Онъ.

Иду, покоренъ участи строгой,
О вейся, плащъ, огневой проводникъ!
Но трое пойдутъ зловѣщей дорогой:
Ты—и я—и мой двойникъ!

Исчезаютъ въ вихрѣ плащей. Кажется, за ними вырвался изъ толпы кто-то третій, совершенно подобный влюбленному, весь—какъ гибкій языкъ чернаго пламени.

Въ средѣ танцующихъ обнаружилась третья пара влюбленныхъ. Они сидятъ посреди сцены.

Средневѣковье. Задумчиво склонившись, она слѣдитъ за его движеніями.—Онъ, весь въ строгихъ линіяхъ, большой и задумчивый, въ картонномъ шлемѣ — чертитъ передъ ней на полу кругъ огромнымъ деревяннымъ мечемъ.

Онъ.

Вы понимаете пьесу, въ которой мы играемъ не послѣднюю роль?

Она (какъ тихое и внятное эхо).

Роль.

Онъ.

Вы знаете, что маски сдѣлали нашу сегодняшнюю встрѣчу чудесной?

Она.

Чудесной.

Онъ.

Такъ вы вѣрите мнѣ? О, сегодня вы прекраснѣй, чѣмъ всегда.

Она.

Всегда.

Онъ.

Вы знаете все, что было и что будетъ. Вы поняли значеніе начертаннаго здѣсь круга.

Она.

Круга.

Онъ.

О, какъ плѣнительны ваши рѣчи! Разгадчица души моей! Какъ много ваши слова говорятъ моему сердцу!

Она.

Сердцу.

Онъ.

О, Вѣчное Счастье! Вѣчное Счастье!

Она.

Счастье.

Онъ (со вздохомъ облегченія и торжества).

Близокъ день. На исходѣ—эта зловѣщая ночь.

Она.

Ночь.

Въ эту минуту одному изъ паяцовъ пришло въ голову выкинуть штуку. Онъ подбѣгаетъ къ влюбленному и показываетъ ему длинный языкъ. Влюбленный бьетъ съ размаху паяца по головѣ тяжкимъ деревяннымъ мечомъ. Паяцъ перегнулся черезъ рампу и повисъ. Изъ головы его брыжжетъ струя клюквеннаго сока.

Паяцъ (пронзительно кричитъ).

Помогите! Истекаю клюквеннымъ сокомъ!

Поболтавшись, удаляется.

Шумъ. Суматоха. Веселые крики:—«Факелы! Факелы! Факельное шествіе!» Появляется хоръ съ факелами. Маски толпятся, смѣются, прыгаютъ.

Хоръ.

Въ сумракъ—за каплей капля смолы
Падаетъ съ легкимъ трескомъ!
Лица, скрытыя облакомъ мглы,
Озаряются тусклымъ блескомъ!
Капля за каплей, искра за искрой!
Чистый, смолистый дождь!
Гдѣ ты, сверкающій, быстрый,
Пламенный вождь!

Арлекинъ выступаетъ изъ хора, какъ корифей.

Арлекинъ.

По улицамъ сонным и снѣжнымъ
Я таскалъ глупца за собой!
Міръ открылся очамъ мятежнымъ,
Снѣжный вѣтеръ пѣлъ надо мной!
О, какъ хотѣлось юной грудью
Широко вздохнуть и выйти въ міръ!
Совершить въ пустомъ безлюдьи
Мой веселый весенній пиръ!
Здѣсь никто понять не смѣетъ,
Что весна плыветъ въ вышинѣ!

Здѣсь никто любить не умѣетъ,
Здѣсь живутъ въ печальномъ снѣ!
Здравствуй, міръ! Ты вновь со мною!
Твоя душа близка мнѣ давно!
Иду дышать твоей весною
Въ твое золотое окно!

Прыгаетъ въ окно. Даль, видимая въ окнѣ, оказывается нарисованной на бумагѣ. Бумага лопнула. Арлекинъ полетѣлъ вверхъ ногами въ пустоту.

Въ бумажномъ разрывѣ видно одно свѣтлѣющее небо. Ночь истекаетъ, копошится утро. На фонѣ занимающейся зари стоитъ, чуть колеблемая доразсвѣтнымъ вѣтромъ, — Смерть, въ длинныхъ бѣлыхъ пеленахъ, съ матовымъ женственнымъ лицомъ и съ косой на плечѣ. Лезвее серебрится, какъ опрокинутый мѣсяцъ, умирающій утромъ.

Всѣ бросились въ ужасѣ въ разныя стороны. Рыцарь споткнулся на деревянный мечъ. Дамы разронялы цвѣты по всей сценѣ. Маски, неподвижно прижавшіяся, какъ бы распятыя у стѣнъ, кажутся куклами изъ этнографическаго музея. Любовницы спрятали лица въ плащи любовниковъ. Профиль голубой маски тонко вырѣзывается на утреннемъ небѣ. У ногъ ея испуганная, колѣнопреклоненная розовая маска прижалась къ его рукѣ губами.

Какъ изъ земли выросшій Пьеро медленно идетъ черезъ всю сцену, простирая руки къ Смерти. По мѣрѣ его приближенія, черты Ея начинаютъ оживать. Румянецъ заигралъ на матовости щекъ. Серебряная коса теряется въ стелящемся утреннемъ туманѣ. На фонѣ зари, въ нишѣ окна, стоитъ съ тихой улыбкой на спокойномъ лицѣ красивая дѣвушка—Коломбина.

Въ ту минуту, какъ Пьеро подходитъ и хочетъ коснуться ея руки своей рукой,—между нимъ и Коломбиной просовывается торжествующая голова автора.

Авторъ.

Почтеннѣйшая публика! Дѣло мое не проиграно! Права мои возстановлены! Вы видите, что преграды рухнули! Этотъ господинъ провалился въ окошко! Вамъ остается быть свидѣтелями счастливаго свиданья двухъ влюбленныхъ послѣ долгой разлуки! Если они потратили много силъ на преодолѣніе препятствій, — то теперь зато они соединяются навѣкъ.

Авторъ хочетъ соединить руки Коломбины и Пьеро. Но внезапно всѣ декораціи взвиваются и улетаютъ вверхъ Маски разбѣгаются.

Авторъ оказывается склоненнымъ надъ однимъ только

Пьеро, который безпомощно лежитъ на пустой сценѣ въ бѣломъ балахонѣ своемъ съ красными пуговицами.

Замѣтивъ свое положеніе авторъ убѣгаетъ стремительно.

Пьеро (приподнимается и говоритъ жалобно и мечтательно):

Куда ты завелъ? Какъ угадать?
Ты предалъ меня коварной судьбѣ.
Бѣдняжка Пьеро, довольно лежать,
Пойди, поищи невѣсту себѣ.

Помолчавъ.

Ахъ, какъ свѣтла—та, что ушла
(Звенящій товарищъ ее увелъ).
Упала она (изъ картона была).
А я надъ ней смѣяться пришелъ.
Она лежала ничкомъ и бѣла.
Ахъ, наша пляска была весела!
А встать она ужъ никакъ не могла.
Она картонной невѣстой была.

И вотъ, стою я, блѣденъ лицомъ,
Но вамъ надо мной смѣяться грѣшно.
Что дѣлать! Она упала ничкомъ...
Мнѣ очень грустно. А вамъ смѣшно?

Пьеро задумчиво вынулъ изъ кармана дудочку и заигралъ пѣсню о своемъ блѣдномъ лицѣ, о тяжелой жизни и о невѣстѣ своей Коломбинѣ.

1906.

КОРОЛЬ НА ПЛОЩАДИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

КОРОЛЬ—на терассѣ дворца.

ЗОДЧІЙ—старикъ въ широкихъ и темныхъ одеждахъ. Чертами лица и сѣдинами напоминаетъ **КОРОЛЯ**.

ДОЧЬ ЗОДЧАГО—высокая красавица въ черныхъ шелкахъ.

ПОЭТЪ—юноша, руководимый на путяхъ своимъ **ЗОДЧИМЪ**, влюбленнымъ въ его **ДОЧЬ**.

ШУТЪ—прихлебатель сцены и представитель здраваго смысла. Иногда онъ прикрываетъ свое распитое золотомъ брюхо священнической рясой.

ВЛЮБЛЕННЫЕ, ЗАГОВОРЩИКИ, ПРИДВОРНЫЙ, ПРОДАВЩИЦА РОЗЪ, РАБОЧІЕ, ФРАНТЫ, НИЩІЕ, ЛИЦА И ГОЛОСА ВЪ ТОЛПѢ.

СЛУХИ—маленькіе, красные, шныряютъ въ городской пыли.

ПРОЛОГЪ.

Городская площадь. Задній планъ занятъ бѣлымъ фасадомъ дворца съ высокой и широкой терассой; на массивномъ тронѣ — гигантскій Король. Корона покрываетъ зеленыя, древнія кудри, струящіяся надъ спокойнымъ лицомъ, изборожденнымъ глубокими морщинами. Тонкія руки лежатъ на ручкахъ трона. Вся поза—величавая. Въ самомъ низу—у рампы—подъ высокимъ парапетомъ набережной — скамья; къ ней съ двухъ сторонъ спускаются лѣстницы. Скамья на берегу моря, которое узкой полосой подходитъ издали, слѣва огибая мысъ съ площадью и дворцомъ, и сливается съ оркестромъ и театромъ, такъ что сцена представляетъ изъ себя только островъ — случайный пріютъ для дѣйствующихъ лицъ.

Солнце не взошло еще. Почти въ полномъ мракѣ Шутъ, въ качествѣ Пролога, подплываетъ съ моря, привязываетъ свою лодку у берега, вынимаетъ изъ нея удочку и узелокъ и садится на скамью.

Шутъ.

Еще и солнцу лѣнь свѣтиться,
А я—на берегу.
Свѣтила могутъ не трудиться,
А я вотъ—не могу.

Но я безъ нихъ нашелъ дорогу
И вотъ, приплылъ сюда,
Чтобъ здравостью своей немного
Смягчить васъ, господа.

Вотъ здѣсь—дворецъ на темномъ фонѣ,
И на терассѣ—тронъ.
Король, какъ видите, въ коронѣ,
И старъ и удрученъ.

Передъ дворцомъ гуляетъ всякій,
Кто хочетъ отдохнуть.
Лишь демократу и собакѣ
Здѣсь не показанъ путь.

Здѣсь—чистой публикѣ дорога,
Здѣсь для нея—скамья.
И только на правахъ Пролога
На ней присѣлъ и я.

Передо мной—въ оркестрѣ—море,
Волна его темна,
Но если солнце встанетъ вскорѣ,
Увижу все до дна.

Мой долгъ былъ—только васъ понудить
Взглянуть на этотъ видъ.
А рыбу въ мутныхъ водахъ удить
Мнѣ здравый смыслъ велитъ.

Шутъ садится верхомъ на рампу и закидываетъ удочку въ оркестръ. Во время дѣйствія его большею частью не видно за боковой занавѣсью — онъ появляется только въ отдѣльныхъ сценахъ.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Утро.

Ночь борется съ утромъ. Надъ берегомъ чуть видны въ сумеркахъ двое неизвѣстныхъ. Первый—въ черномъ—прислонился къ бѣлому камню дворца. Другой сидитъ на берегу. Третьяго не видно: онъ гдѣ-то близко, и слышенъ только его голосъ—прерывистый и зловѣщій.

Первый.

Вотъ и день забѣлѣлъ.

Второй.

Тяжко, когда просыпается день.

Голосъ третьяго.

Отчаянья не предавайте. Смерти не предавайте.

Первый.

Мнѣ нечего предавать, товарищъ, я больше ни во что не вѣрю. Но я боюсь за другихъ.

Второй и голосъ Третьяго (вмѣстѣ).

За насъ не бойся.

Первый.

За васъ я не боюсь. Городъ страшитъ меня. Всѣ жители сошли съ ума. Они строятъ свое счастье на какой-то сумасшедшей мечтѣ. Они ждутъ чего-то отъ кораблей, которые придутъ сегодня.

Второй (хватаясь за голову).

Боже мой, Боже мой! Корабли съ моря! Да вѣдь это безумiе!—Если они вѣрятъ въ это, значитъ ужъ больше не во что вѣрить!—Страшное время!

Первый.

Смѣшно говорить: страшное время. Если дать себѣ волю—всякiй сойдетъ съ ума. Найдемъ въ себѣ силу дожить этотъ день до конца, чтобы потомъ—умереть.

Второй.

Какое счастье—умереть.

Голосъ Третьяго.

Онъ говоритъ о счастьи. Пойдемъ одни—жечь и разрушать.

Первый.

Пусть говоритъ. Это ничего. Его отчаянье также безмѣрно.

Молчатъ.

Второй.

Ни крова, ни семьи. Негдѣ приклонить голову. Страшно.

Первый.

Чего бояться тому, кому ничего не жаль?

Второй.

Утреннихъ сумерекъ. Смертной тоски.

Голосъ Третьяго.

Жечь. Жечь.

Второй.

Страшно. Жалко.

Голосъ Третьяго.

Умирай, если жалко.

Молчатъ. Медленно свѣтаетъ.

Второй.

Скажи мнѣ, товарищъ, вѣдь и ты когда-то вѣрилъ въ добродѣтель?

Первый.

Вотъ тебѣ моя рука. И я искалъ благополучія. И я любилъ уюты, гдѣ пахнетъ духами, гдѣ женщина ставитъ на столъ хлѣбъ и цвѣты.

Второй.

Ты любилъ дѣтей?

Первый.

Оставимъ это. Я любилъ дѣтей. Но больше не жаль и дѣтей.

Второй.

Скажи мнѣ послѣднее: вѣришь ли ты, что разрушеніе освободительно?

Первый.

Не вѣрю.

Второй.

Спасибо. И я не вѣрю.

Молчатъ.

Первый

(смотритъ на короля).

Вотъ онъ дремлетъ надъ нами. Красота его древнихъ кудрей правитъ міромъ. Ибо могутъ ли править міромъ такія дряхлыя руки?

Второй.

И ты боишься чего-то. Мы сильны только твоей силой. Но если и ты только призракъ,—то мы растаемъ въ этомъ бродячемъ утреннемъ свѣтѣ. Люди не пойдутъ за нами. Люди боятся обмана.

Первый.

Всѣ пойдутъ за нами. Настанетъ часъ— и всѣ пойдутъ за нами.

Второй.

У нихъ—семьи, дома.

Первый.

Ихъ семьи растлѣнны. Дома пошатнулись.

Второй.

Въ нихъ нѣтъ мѣста огню.

Первый.

Все равно—все сгоритъ. Тяжелое и легкое, сухое и сырое. Отъ сырого больше дыму.

Второй.

И старикъ сгоритъ?

Первый.

Въ немъ нечему горѣть. Все окаменѣло.

Второй.

Такъ онъ останется цѣлъ!

Голосъ Третьяго.

Развѣемъ по вѣтру. Бросимъ въ море.

Второй.

И никто не вспомнитъ о немъ?

Первый.

Вспомнитъ тотъ, кто любитъ.

Молчатъ. День разгорается

Первый.

Во всемъ городѣ я знаю двухъ живыхъ.
Всѣ боятся стараго Зодчаго.

Второй.

И ты боишься?

Первый.

Нѣтъ, онъ не помѣшаетъ намъ. Толпа слишкомъ мелка для того, чтобы слушаться воли титана.

Второй.

Кто же другой?

Первый.

Другой?—Его Дочь.

Второй.

Смѣшно! Ты боишься женщины! Твой голосъ дрогнулъ!

Первый.

Не смѣйтесь. Я не боюсь ни здравости, ни воли, ни труда, ни грубой мужской силы. Я боюсь безумной фантазіи, нелѣпости—того, что звали когда-то высокой мечтой.

Второй.

Ты боишься религіи, поэзіи? Міръ давно перешагнулъ черезъ нихъ. Міръ забылъ о пророкахъ и поэтахъ.

Первый.

Такъ было. Но въ смертный часъ всѣмъ вспоминается прекрасное, что было забыто.—Она заразитъ ихъ своей безумной красотой. Незримо и таинственно—теперь она правитъ городомъ. Она хочетъ вдохнуть новую жизнь въ короля.

Второй.

Развѣ это возможно? — Развѣ это остановитъ разрушеніе?

Первый.

Да. Они припадутъ къ стопамъ ея. Они сдѣлаютъ ее королевой. Они станутъ поклоняться ей въ храмахъ.

Второй.

Старыя мечты не возрождаются.

Первый.

Но къ безумствамъ всѣ готовы вернуться. Они способны вѣнчать свое безуміе, когда утрачены всѣ надежды и всѣ добродѣтели.

Второй.

Ты бредишь. Ты сошелъ съ ума.

Первый.

Пусть такъ. Безъ меня вы безсильны. Вѣрьте мнѣ, въ ней творческій хмель ея отца и гнѣвъ послѣднихъ поколѣній!

Второй.

Что же намъ дѣлать?

Первый.

Переждать этотъ день. Сегодня вечеромъ она будетъ говорить съ народомъ и королемъ.

Второй.

Еще цѣлый день! Пустой и свѣтлый! Лучше умереть!

Первый.

Кляпусь вамъ: мы всѣ умремъ къ ночи!

Голосъ Третьяго (какъ эхо).

Умремъ.

Совсѣмъ разсвѣло. Городъ просыпается — все слышнѣе музыка утреннихъ шумовъ. Издали, со стороны моря, вѣтеръ доноситъ стукъ топоровъ.

Второй.

Слышишь? Они еще не потеряли надежды. Топорики стучатъ.

Первый.

Стучатъ и строютъ. Будутъ строить до послѣдней минуты.

Второй.

Они украшаютъ молъ. Воздвигаютъ какія-то сооруженія для встрѣчи кораблей.

Первый.

Пусть надѣются. Мы погибнемъ одни, если придутъ корабли, или осуществится ея высокая мечта.

Голосъ Третьяго.

Корабли не придутъ. Ихъ уничтожитъ буря. Горячій вѣтеръ разноситъ смерть.

Они расходятся. Третій вынырнулъ изъ-за камня. Сухими чертами лица и костлявымъ тѣломъ онъ больше всѣхъ похожъ на птицу.

На площади передъ дворцомъ начинается гулянье. Проходятъ взадъ и впередъ нѣсколько франтовъ. Идутъ двое запоздалыхъ рабочихъ.

Первый рабочій.

Работа началась. Иди скорѣй.

Второй рабочій.

Вчера одинъ изъ нихъ приходилъ говорить съ нами. Онъ запрещаетъ строить. Говоритъ, что буря разнесетъ все.

Торопливо проходятъ. Вѣтеръ гонитъ струйки пыли. Блѣдная женщина продаетъ розы. Невдалекѣ отъ нея останавливаются Юноша и Дѣвушка.

Дѣвушка.

Взоры свои къ небесамъ подними.
Солнечный день утолитъ твою грусть.

Юноша.

Вѣчно плывутъ и плывутъ облака,
Бѣлыя башни роняютъ въ моря.

Дѣвушка.

Грустно тебѣ—посмотри мнѣ въ глаза.
Радость свиданья съ тобою прочти.

Юноша.

Вижу, твои посинѣли глаза.
Къ ночи влечетъ тебя юность твоя.

Дѣвушка.

Къ веселью! Къ веселью! Моря запѣваютъ!
Я слышу, далеко идутъ корабли!

Юноша.

Я слышу, какъ ропщутъ далекія волны,
Я вижу, какъ вѣтеръ погналъ облака.

Дѣвушка.

Лучи маяковъ проницаютъ туманы,
Надъ моломъ поставятъ на стражу огни.

Юноша.

Смотри—буревѣстники рыщутъ надъ
пѣной,
На гребнѣ волны ихъ качаетъ судьба.

Дѣвушка.

Надъ бурей взлетитъ золотая ракета
Навстрѣчу веселымъ моимъ кораблямъ!

Юноша.

Я вѣщей душой проникаю въ напѣвы,
Сулящіе намъ неизбѣжную ночь.

Дѣвушка.

Душистыя розы у дѣвушки блѣдной—
Невинный залогъ безмятежнаго дня.

Подходитъ къ продавщицѣ розъ.

Дѣвушка.

Отчего ты блѣдна? Отчего ты шатаешься?

Продавщица розъ.

Я умираю отъ горячаго солнца, отъ пыли, отъ усталости, отъ голода.

Дѣвушка.

Ты умираешь?

Продавщица розъ.

Я задушу тебя цвѣтами, если ты не дашь мнѣ хлѣба.

Дѣвушка (даетъ деньги).

Дай мнѣ розы. Уходи скорѣе—

Продавщица розъ уходитъ.

Голодная!—Утро погибло.

Наверху встрѣчаются два франта.

Первый.

Скажите, отчего, въ самомъ дѣлѣ, такъ ждутъ этихъ кораблей?

Второй.

Право, я самъ не знаю. Да не все ли равно?

Первый.

Я радъ встрѣтиться со здравымъ человѣкомъ. Всѣ такъ возбуждены, только и говорятъ, что о корабляхъ. И знаете, самъ начинаешь вѣрить.

Второй.

Да, что ни говорите, вліянія толпы отрицать нельзя. Это заразительно.

Первый.

Чѣмъ нелѣпѣй, тѣмъ заразительнѣй.

Второй.

Пора бы разсѣять всѣ эти толки энергичными мѣрами. Правительство...

Проходятъ.

Дѣвушка.

Какъ жалки отрывки сытыхъ рѣчей!

Какъ страшны цвѣты у нищихъ въ руках!
Я больше не вѣрю моимъ кораблямъ!

Юноша.

Больше не думай о нихъ.
Смотри на цвѣты.

Дѣвушка.

Мнѣ душно отъ бѣлыхъ цвѣтовъ!

Юноша.

Забудемъ цвѣты. Смотри мнѣ въ глаза,
Тяжелыя розы сжигаютъ тебя.

Дѣвушка.

Я брошу ихъ въ море. Забудемъ о нихъ.

Они спускаются къ морю.

Дѣвушка.

Забудемъ о страшномъ,
Запомнимъ, что любимъ.
Плывите, плывите, плывите, цвѣты.

Она бросаетъ розы въ воду. Юноша грустнымъ взоромъ слѣдитъ за легкими движеніями возлюбленной.

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Средина дня.

Та же декорація—только краски потускнѣли, и линіи сожжены зноемъ. Море неподвижно. Горизонтъ въ парахъ. На площади немного гуляющихъ. Иногда проходятъ сторонкой рабочіе и оборванцы. Топоры слабо, но непрерывно стучатъ вдали.

Первый рабочій.

Съ часу на часъ дожидаются кораблей.

Второй рабочій.

Спросить бы, чего ждутъ отъ нихъ. Торопятъ строить, заставляютъ пѣть пѣсни, чтобы веселѣе работали.

Первый рабочій.

Строятъ, строятъ, а все еще не достроили.

Проходятъ. Издали доносится заунывная пѣсня рабочихъ. Идутъ два франта.

Первый.

Кто-то сказалъ, что корабли уже видны съ мола.

Второй.

Ложный слухъ! Это рыбачьи суда огибали мысъ.

Первый.

Ахъ, да не все ли равно! Дались имъ эти корабли. Кто придумалъ всю эту глупость, хотѣлъ бы я знать?

Проходятъ. Шутъ бредетъ съ удочкой въ рукахъ.

Шутъ.

Скверная погода. Даже рыба не клюетъ. Никто не хочетъ итти на удочку здраваго смысла. Всѣ сошли съ ума. Вотъ, наконецъ, идутъ самые сумасшедшіе,—авось клюнетъ.

Уходитъ за занавѣсъ. На скамью садятся Зодчій и Поэтъ.

Поэтъ.

Больше никто не спитъ ночей. На всѣхъ лицахъ тревога, всѣ ждутъ чего-то. Научи меня бороться съ тоской.

Зодчій.

Ты самъ не знаешь, о чемъ твоя тревога.

Поэтъ.

Если бы знать! Голодный добываетъ хлѣбъ трудомъ. Оскорбленный мститъ. Любовникъ говоритъ женщинѣ: будь моею. Но я сытъ, и никто не оскорбляетъ меня. Въ женщинахъ я люблю только тонкіе волосы, струнные голоса и мечту о невозможномъ. Мнѣ нечего достигать—я обреченъ на тоску.

Пѣсня рабочихъ едва слышна.

Зодчій.

Знай, что тревога напрасна. Не думай о невозможномъ. Пока этотъ берегъ омываетъ море, пока городомъ правитъ король—ничто не измѣнится, кромѣ твоихъ блуждающихъ мыслей.

Поэтъ.

Сознаніе мѣшаетъ мнѣ жить. Я знаю, что жизнь города такъ же призрачна, какъ моя. Море кажется мнѣ стекляннымъ, люди—куклами.

Зодчій.

Ты боленъ.

Поэтъ.

Мнѣ часто кажется, что и король...

Зодчій (прерывая).

Ты боленъ. Живи проще. Ты—поэтъ—безсмысленное пѣвучее существо,—и однако тебѣ суждено выражать мысли другихъ; они только не умѣютъ высказать всего, что

говоришь ты. Горе тебѣ, если ты подскажешь людямъ ихъ тайныя, сумасшедшія мысли.

Отдаленный грохотъ и крики, какъ-будто что-то тяжелое упало въ воду. Черезъ площадь бѣгутъ рабочіе.

Рабочій.

Лѣса сорвались! Десять человѣкъ упали въ море!

Другой рабочій.

А семья безъ хлѣба!

Третій рабочій.

Скажи его женѣ, чтобы бѣжала къ морю; можетъ быть, еще можно спасти.

Поэтъ.

Сегодня, я чувствую, готовится что-то неслыханное. Слишкомъ горячъ воздухъ. Слишкомъ пуста душа.

Зодчій.

Ты думаешь, что перевернется міръ? Можетъ быть, и ты ждешь кораблей?

Поэтъ (восторженно).

Корабли придутъ!

Зодчій.

Безумный! ты бичуешь ихъ семьи, ты бичуешь ихъ пошлость! Но всѣ они лучше

тебя. Ты изломанъ, ты не можешь дышать ни моремъ, ни пылью. Они умѣютъ, по крайней мѣрѣ, дышать желтой зловонной пылью—преклоняй же передъ ними колѣни!

Поэтъ.

Ты убиваешь меня.

Зодчій.

Несчастный! Можетъ быть, слишкомъ много нищихъ наползло сегодня изъ дальнихъ кварталовъ, и они растревожили гнусавыми голосами нервы бѣлоручекъ; можетъ быть, много дѣтей умерло, и матери плачутъ слишкомъ громко; можетъ быть, просто горячій вѣтеръ разнесъ по городу слухи и сплетни. Вотъ—вся твоя тоска.

Поэтъ.

Оставь, ты убиваешь во мнѣ послѣднее...

Зодчій.

Вотъ твой конецъ міра! Гдѣ-то грызутся собаки, или женщины сплетничаютъ и визжатъ! Ты мечтаешь о послѣднемъ днѣ! Рядомъ съ тобой будутъ трудиться, голодать, умирать,—а ты только къ вечеру очнешься отъ бреда.

Стукъ топоровъ возобновляется.

Поэтъ.

Слова твои стучатъ, какъ топоры, въ самое сердце.

Зодчій.

Я не отнимаю у тебя надежды. Но подумай о томъ, что я сказалъ. Слушай, слушай, какъ стучатъ топоры—пусть бьютъ тебя больнѣе. Иначе сердце твое заглохнетъ и опустѣетъ. Я отвернусь отъ тебя. Я вѣрю только тѣмъ, кто различаетъ добро и зло. Прощай.

Уходитъ. Порывъ вѣтра взметаетъ его широкую одежду. Облако желтой пыли застилаетъ площадь, дворецъ и Короля. Видно, какъ изъ клубовъ пыли выскакиваютъ маленькіе красные Слухи. Они прыгаютъ и разсыпаются во всѣ стороны. Кажется, что вѣтеръ свиститъ, когда они заливаются смѣхомъ. Сію же минуту въ толпѣ гуляющихъ раздаются тревожные голоса.

Голоса въ толпѣ.

Король боленъ! При смерти!
Заговорщики хотятъ сжечь дворецъ!
Король взятъ подъ стражу!
Насъ обманули! Развѣ это—Король?

Пыль разсѣялась. Попрежнему виденъ дворецъ и спокойная фигура Короля. Толпа затихаетъ. Гуляпье продолжается. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ воздухѣ проносятся освѣжительныя струи, какъ будто жаръ спалъ. Плавно и медленно выступаетъ изъ

толпы Дочь Зодчаго—высокая красавица въ черныхъ тугихъ шелкахъ. Она останавливается на краю, прямо надъ скамьей, гдѣ сидитъ убитый тоскою Поэтъ — и смотритъ на него сверху.

Дочь Зодчаго.

Слышишь ты меня?

Поэтъ (смотритъ вверхъ).

Слышу музыку. Море повѣяло солью.

Вѣтеръ остановился и стукъ топоровъ затихъ. Нѣкоторое время слышна отдаленная музыка моря, которую прерываетъ ворчаніе Шута.

Шутъ.

Начинается. Только что клюнула большая рыба. Влюбленные глупцы спугнутъ всю мою рыбу.

Молчаніе. Въ то время, какъ дочь Зодчаго медленно сходитъ внизъ, сцена заволакивается туманомъ, который оставляетъ видимымъ только островокъ скамьи, гдѣ находятся Дочь Зодчаго и Поэтъ.

Дочь Зодчаго.

Когда опускается пыль,
И прячутся красные Слухи,
Въ полдневныя норы свои,

Рождается музыка въ морѣ,
Подъ вѣтромъ свѣжѣетъ душа.

Поэтъ.

Прозрачный нисходитъ туманъ
И бѣлой влюбленностью таетъ,
Но древнее море не можетъ
Напѣвомъ своихъ заглушить
Пронзительный голосъ Шута.

Дочь Зодчаго.

Ты говоришь, какъ во снѣ,
Пѣвучую душу твою узнаю
И темныя рѣчи люблю.

Поэтъ.

Я смутное только могу говорить.
Сказанья души—несказанны.

Вздыхаетъ море, влача туманъ.

Поэтъ.

Парусъ бѣлый таетъ вдали.

Дочь Зодчаго.

Моимъ видѣньемъ полонъ ты.

Поэтъ.

Вижу вдали корабли, корабли...

Дочь Зодчаго.

Кладу заклятье—будь вѣренъ ты.

Поэтъ.

Я вижу берегъ новой земли...

Дочь Зодчаго.

Снимаю чары. Свободенъ ты.

Какъ будто подулъ вѣтеръ и подвинулся туманъ—уже нѣтъ больше молочной бѣлизны. Откуда-то проникло солнце. Но все еще видна только скамья.

Поэтъ.

Брызги пѣны морской ослѣпили меня.
Надъ моремъ движешься ты,
И тѣнь кораблей за тобою встаетъ.

Дочь Зодчаго.

Ты всѣхъ вѣрнѣй мнѣ дѣтской душой.
Ты будешь пѣть, когда я съ тобой,
Когда я погибну—ты будешь пѣть.

Поэтъ.

Будь со мной! Мои крылья растутъ!
Я слабъ, когда бушуетъ толпа,
Я слабъ, когда говоритъ твой отецъ,
Сердце открыто только тебѣ—
Темнымъ напѣвамъ душа предана.

Молчанье снова прерывается ворчливымъ голосомъ Шута.

Шутъ

Право, все это слишкомъ извѣстно. Что бы она ни сказала,—все ему понравится, потому что онъ влюбленный дуракъ. А старую грымзу, отца ея, онъ, конечно, не станетъ слушать.

Шутъ вылѣзаетъ изъ за занавѣса. Его мерзкій профиль съ удочкой на мгновеніе закрываетъ влюбленныхъ отъ театра. Потомъ онъ поднимается по лѣстницѣ наверхъ и пропадаетъ въ туманѣ.

Поэтъ.

Въ серебристыя ризы тумана одѣлась тоска.

Дочь Зодчаго.

Сердце тумана пронзили дневные лучи.

Поэтъ.

Голосъ тоски прозвенѣлъ.

Дочь Зодчаго.

Это волны хрипѣли у берега.

Поэтъ.

Какъ звóнокъ пронзительный голосъ тоски.

Дочь Зодчаго.

Солнце пронзитъ ея ризу и сердце—ты будешь свободенъ.

Поэтъ.

Солнце закатится скоро.

Дочь Зодчаго.

На закатѣ ты будешь свободенъ.

Поэтъ.

Сказки твои о свободѣ плѣняютъ меня.

Дочь Зодчаго.

Сказка—вся жизнь для тебя.
Слушай же сонной душой
Сказку о жизни вечерней,
Ты, очарованный мной.

Поэтъ.

Да, говори, королевна,
Такъ, чтобы яркіе сны предо мною текли,
Яркіе сны небывалой страны.

Дочь Зодчаго.

Знаю великую книгу о свѣтлой странѣ,
Гдѣ прекрасная дѣва взошла
На смертное ложе царя
И юность вдохнула въ дряхлое сердце!
Тамъ—надъ цвѣтущей страной
Правитъ высокій Король!
Юность вернулась къ нему!

Во время предыдущей сцены море поетъ все громче. При послѣднихъ словахъ туманъ совсѣмъ разсѣивается и начинаетъ носиться пыль, въ которой шмыгаютъ красные Слухи. Сквозь возрастающій гулъ толпы, собирающейся у дворца, снова явственно доносится стукъ топоровъ.

Дочь Зодчаго.

Жизнь уходила на мигъ,
Снова вернулась она!
Слышишь, какъ строятъ одни?
Слышишь, какъ ропщутъ другіе?
Видишь, какъ Слухи смущаютъ толпу!

Поэтъ.

Чужды видѣнья и чужды слова.
Сказкой твоею дышу—
Не уходи отъ меня.

Дочь Зодчаго.

Нѣтъ, не могу оставаться съ тобой!
Сказку мою я должна воплотить.
Жди меня къ вечеру здѣсь,
Будь вѣренъ душой Королю.
Къ вечеру будешь свободенъ.

Она поднимается наверхъ и смѣшивается съ толпой, которая все время глухо ропщетъ въ клубахъ пыли. Поэтъ, задумчивый, остается внизу.

Голоса въ толпѣ.

Ты слышалъ, ночью пришли корабли!
Король кивалъ сегодня головой...
Король отдалъ приказъ! Корабли ушли обратно!
Смотрите наверхъ: Короля уже нѣтъ!
Король здѣсь! Ничего не видно въ пыли!

Голоса прерываются странными звуками — точно кто-то всхлипываетъ. Сквозь пыль можно разглядѣть Шута, который прильнулъ брюхомъ къ парапету набережной, надъ самой скамьей, и обоими кулаками зажимаетъ ротъ, чтобы сдержать хохотъ.

Шутъ (кричитъ сквозь гулъ).

Ваша милость! Чѣмъ могу быть полезнымъ?

Поэтъ (быстро поднимаясь, смотритъ на Шута вверхъ).

Я уже видѣлъ тебя во снѣ. Гдѣ твоя удочка?

Шутъ (покатывается со смѣху).

Здѣсь, здѣсь, вотъ она, со мной! Я ловецъ человѣковъ!

Поэтъ.

Помоги мнѣ! Спаси отъ тоски!

Шутъ.

Пока вы объяснялись, тутъ приготовился цѣлый политическій переворотъ!

Поэтъ.

Корабли близко?

Шутъ.

Какіе корабли? Вы рехнулись? Примкните къ партіи! Нельзя валандаться безъ дѣла!

Поэтъ.

Что дѣлать? Говори.

Шутъ.

Выбирайте скорѣй. Я привелъ двухъ на выборъ.

Изъ-за спины Шута высовываются съ обѣихъ сторонъ двое похожихъ на птицъ: одинъ въ черномъ, другой въ золотомъ. Они сбѣгаютъ къ Поэту.

Черный.

Пора! Иди за нами! Пой намъ пѣсни! Городъ стосковался безъ пѣсенъ!

Поэтъ.

Кто ты?

Черный.

Не теряй времени! Пой о свободѣ! Толпа возбуждена—она пойдетъ за тобой!

Поэтъ.

Ты противъ Короля?

Черный.

Смерть ему!

Поэтъ.

Оставь меня. Она не позволитъ тебѣ коснуться святыни.

Черный убѣгаетъ съ проклятіемъ.

Шутъ (кричитъ).

Говори съ другимъ!

Толпа гудитъ. Золотой кланяется Поэту.

Золотой.

Я счастливъ говорить съ вами. Нельзя терять ни минуты. Толпа въ вашихъ рукахъ.

Поэтъ.

Кто ты, золотая птица?

Золотой.

Вѣрный слуга Короля. Придворный. Вашъ поклонникъ.

Поэтъ.

Что я могу?

Золотой.

Пѣть о святынѣ. Сохранить Короля отъ буйной черни. Каждый мигъ дорогъ.

Поэтъ.

Я буду пѣть. Веди.

Быстро всходитъ наверхъ. Золотой бѣжитъ впереди вприпрыжку. Толпа гудитъ.

Шутъ (покатываясь со смѣху).

Поймалъ! Поймалъ! Хоть одинъ здравомыслящій! Безпартійный! Сторонникъ правительства!

Шутъ вмѣшивается въ толпу. Поэтъ, восходя надъ толпой, на одну изъ ступеней терассы, говоритъ среди затихающей народной бури:

Все, какъ во снѣ.

Обращается лицомъ къ толпѣ. Она безмолвна и готова внимать его пѣснямъ.

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

Ночь.

Та же декорація. Вечеръетъ. Свинцовыя тучи бѣгутъ по небу. Издали доносится усиленный стукъ топоровъ. Черезъ сцену, не переставая, идутъ люди къ морю, огибая дворецъ. Жесты оживленные, глаза блестятъ; волненіе достигло крайней степени. На всѣхъ лицахъ тревога и жадная надежда. Одинъ изъ толпы останавливается и опирается на перила набережной. Къ нему присоединяется второй.

Второй.

Ты совсѣмъ ослабѣлъ.

Первый.

Да, сумасшедшая тревога сказалась. Сердце не выдержитъ, если это продлится еще хоть одинъ день. Неужели корабли не придутъ и сегодня?

Второй.

Сегодня они должны быть здѣсь. Иначе—мы погибли. Народъ увѣренъ, что корабли принесутъ спасеніе. Если они не придутъ и сегодня—терпѣнье лопнетъ.

Первый.

Послѣдніе, послѣдніе часы!—Смотри, они всѣ идутъ къ молу и будутъ ждать до ночи. Что, если не дождутся?

Второй.

Буря загонитъ ихъ въ дома.

Первый.

Буря только раззадоритъ ихъ. Всю ночь будутъ жечь и грабить. Тогда—всему конецъ.

Второй.

Кто поселилъ въ насъ надежду?—Только приготовленія торжественной встрѣчи, обѣщанія вѣчнаго счастья.

Первый (низко склоняется къ периламъ).

У меня бываютъ минуты просвѣтлѣнія. Какъ передъ смертью. Куда насъ несетъ? Что насъ заставило повѣрить?

Второй.

Только хватаніе за жизнь. Вѣрить въ это—значитъ хвататься за соломинку.

Первый.

Топоры, топоры стучатъ. Стучатъ безъ отдыха. Куда дѣваться отъ стука топоровъ.

Второй.

Съ утра и до вечера стучатъ. Строятъ башню, чтобы пустить ракету, когда появится въ морѣ первый корабль.

Первый (плачетъ).

Гнутся колѣни. Я не спалъ столько ночей! Отдыха! Отдыха!

Второй.

Потерпи. Можетъ быть ждать недолго.

Отвѣта нѣтъ. Первый низко склонился на перила. Въ эту минуту подходитъ нищая съ ребенкомъ на рукахъ.

Нищая.

Помогите ради Бога. Мой мужъ утонулъ въ морѣ. Подайте на хлѣбъ.

Второй, не обращая на нее вниманія, пристально вглядывается въ лицо перваго. Тотъ совсѣмъ склонился на перила и свѣсилъ голову. Люди идутъ мимо.

Нищая.

Добрые люди, помогите ради ребенка.

Молчаніе.

Нищая.

Сегодня всѣмъ будетъ весело. Корабли придутъ. Только я—безъ хлѣба.

Ребенокъ начинаетъ плакать. Нищая укачиваетъ его, съ удивленіемъ отступая. Второй охватываетъ руками Перваго, склонившагося на перила. Тѣло падаетъ на колѣни. На чугунной перекладинѣ лежитъ мертвая голова.

Второй (опускаясь надъ трупомъ, тихо говоритъ нищей).

Онъ умеръ. Слышите. Мертвые не подаютъ.

Нищая крестится, пятится и уходитъ. Люди идутъ мимо. Среди нихъ—Шутъ въ священнической рясѣ и капюшонѣ. Онъ съ любопытствомъ приближается къ трупу, надъ которымъ безпомощно склонился Второй.

Шутъ (строго).

Пьяный?

Второй (серьезно).

Мертвый.

Шутъ.

Причина смерти?

Второй.

Разрывъ сердца. Тревожныя событія этихъ дней.

Шутъ (качая головой).

Все обошлось бы благополучно, еслибъ онъ обратился ко мнѣ.

Второй.

Кто же вы такой?

Шутъ.

Врачъ духовный.

Порывъ вѣтра распахиваетъ рясу и срываетъ капюшонъ съ головы шута.

Второй (сомнительно качаетъ головой).

Врачъ духовный не носитъ краснаго колпака. Врачъ духовный не нашиваетъ золотыхъ позумптовъ на красное брюхо...

Щеки Шута вздрагиваютъ отъ смѣха. Онъ быстро запахиваетъ рясу. Тихо вечерѣетъ.

Шутъ (строго).

И вы смѣетесь? Смѣетесь, когда умеръ вашъ другъ?

Вокругъ нихъ собирается кучка людей изъ проходящей толпы. Всѣ съ любопытствомъ стараются взглянуть поближе.

Второй (съ изумленіемъ смотритъ на Шута).

Я гдѣ-то видѣлъ твою ханжескую рожу. Не помню гдѣ,—я много видѣлъ на своемъ вѣку: въ судѣ, гдѣ ты внушалъ присяж-

ными смертные приговоры; или въ церкви, гдѣ ты проповѣдывалъ смиреніе; или... да! здѣсь на берегу, ты доказывалъ людямъ, что имъ не надо свободы.

На лицахъ окружающихъ просыпается ненависть.

Шутъ.

Братья, скорбныя дѣла творятся здѣсь. Идите своимъ путемъ. Успокойтесь. Именемъ Божіимъ...

Голоса въ толпѣ.

Новая ложь! Не поминай напрасно имени Божьяго! Истины! Истины! Подъ рясой скрывается лукавое сердце!

Шутъ мгновенно распахиваетъ рясу. Онъ какъ бы вырастаетъ въ красной съ золотомъ одеждѣ. Надъ толпою качается его дурацкій колпакъ.

Шутъ.

Вамъ надо истины? Вотъ истина! Стекайтесь, люди! Смотрите на меня съ кровель, привѣтствуйте меня на улицахъ, кланяйтесь мнѣ до земли!

Страшное волненіе среди прибывающей толпы. Шутъ потряхиваетъ колпакомъ, бубенцы звенятъ.

Голоса въ толпѣ.

Въ такую ночь маски на улицахъ! — Гдѣ мы? Гдѣ мы? — Ночь близка!

Шутъ.

Вамъ надо истины? Она предъ вами, люди! Смотрите на меня! Я—сама Истина—въ красной и золотой наготѣ! Убирайте трупы съ вашихъ улицъ!

Голоса въ толпѣ.

Страшно!—Это призракъ надъ мертвецомъ! Вѣтеръ насылаетъ привидѣнія!—Слухи весь день носились въ пыли!—Маленькіе вертѣлись подъ ногами, красные кричали въ уши, пыльные разносили тревогу!—Слухи овладѣли толпой!—Это одинъ изъ нихъ!—Смотрите, какъ разнесло его къ ночи!—Ночь близка!—Это голосъ народа, это молва! Вѣтеръ несетъ ее по всей землѣ! Внимайте, внимайте!

Шутъ.

Я—голосъ молвы! Я многоликъ, но во всей вселенной ношу одно имя! Здравый смыслъ—имя мое!

Голоса.

Слушайте! Здравый смыслъ говоритъ съ нами!

Шутъ.

Бѣдныя овцы безъ пастыря! Пусть успокоится сердце ваше! Я—пастырь добрый! Не медлите надъ мѣстомъ, гдѣ вѣетъ скорбь! Минуетъ эта тревожная ночь! Не медлите—возвращайтесь къ вашимъ оставленнымъ семьямъ!

Голоса.

Вѣримъ тебѣ! Сердца открыты! Говори!

Шутъ.

Буду пасти васъ, стада мои, жезломъ желѣзнымъ! Если вы не послушаетесь меня, страшная кара падетъ на васъ! Море захлестнетъ безумцевъ! Свинцовыя тучи погребутъ подъ собою смятенный городъ! Такъ говоритъ Здравый Смыслъ! Онъ караетъ возмущенныхъ душой! Мое красное золото весело поетъ предъ вами! Но веселое красное золото принесетъ вамъ смерть и пожары, если вы будете испытывать Здравый Смыслъ!

Голоса.

Тише! Успокойтесь! Страшно! Горе безумнымъ! Въ путь! Къ морю! Къ морю! Навстрѣчу кораблямъ!

Толпа шелеститъ и расходится. Мертваго уносятъ. Замираютъ отдѣльныя восклицанія. Шутъ, завернувшись въ рясу, снова держитъ путь въ толпѣ. Скоро на сценѣ не остается никого. Отсталые торопливо проходятъ къ молу, гдѣ смолкаетъ стукъ топоровъ. На площади появляется Зодчій.

Зодчій.

Они кончаютъ свое строительство.

Онъ стоитъ среди площади и смотритъ на Короля. Справа

медленно выходитъ Поэтъ, направляясь за толпою къ морю.

Зодчій.

И ты идешь за толпой?

Поэтъ.

Ты отвѣка преграждаешь мнѣ путь, хотя нашъ городъ поглощаетъ и раздѣляетъ всѣхъ.

Зодчій.

Да, городъ всѣхъ сбиваетъ съ пути. Но мнѣ легко находить дорогу, ибо я чуждъ всѣмъ вамъ. Вы жадно смотрите другъ другу въ глаза. Я смотрю черезъ ваши головы и ясно вижу мой синій путь.

Поэтъ.

Тебя называютъ колдуномъ. Про тебя ходятъ разные слухи.

Зодчій.

Маленькіе Слухи погубятъ васъ. Они рождаются въ сухой и желтой пыли и проникаютъ вмѣстѣ съ нею въ мятежныя сердца. Сойдетъ небесная гроза и прибьетъ пыль, и вы погибнете вмѣстѣ съ пылью.

Зодчій смотритъ на клубящіяся тучи.

Поэтъ.

Я не хочу больше видѣть тебя. Я хотѣлъ научиться отъ тебя мудрости, но ты гордъ и старъ. Ты не любишь меня.

Зодчій.

Ты не встрѣтилъ бы меня, если бы я не любилъ тебя.

Поэтъ (ломая руки).

Что же мнѣ дѣлать?

Зодчій.

Останься здѣсь. Не ходи за толпою. Не пой для нея мятежныхъ пѣсенъ. Съ ночью остаться повелѣваю тебѣ. Да будетъ спасенъ одинокій, произнесшій въ такую ночь слова о любви.

Зодчій удаляется. Поэтъ спускается къ морю и садится на скамью. Сумерки быстро сгущаются. Рогъ вѣтра трубитъ, пыль клубится, гроза приближается, толпа глухо ропщетъ вдали, на молѣ, откуда видны сигнальные огни. Вверху, надъ скамьею выростаетъ Дочь Зодчаго. Вѣтеръ играетъ въ ея черныхъ волосахъ, среди которыхъ свѣтлый ликъ ея — какъ день.

Поэтъ.

Слышу, слышу твое приближеніе.
Ты снова восходишь надъ пылью,
Какъ видѣнье, мгновенна.

Въ новой пыли ты исчезнешь,
Новый вѣтеръ тебя унесетъ.

Дочь Зодчаго.

Въ послѣдній разъ схожу я къ тебѣ.
Недобрыя вести дошли до меня.
Какъ черныя птицы, въ желтой пыли
Замысловъ новыхъ посятся клочья.

Поэтъ.

Близится ночь.
Надъ моремъ краснѣетъ заря.
Свинцовыя тучи несутся,
Спящая юность проснулась во мнѣ!

Дочь Зодчаго.

Стекло морей разбито вѣтромъ!
Въ твоей душѣ расплеснулось море!
Слышишь крикъ зловѣщихъ птицъ?
Слышишь плескъ свинцовыхъ волнъ?

Вѣтеръ рветъ ея черные шелка и мечется въ ея волосахъ. Мракъ сгущается.

Поэтъ.

Въ часъ зловѣщій, въ часъ послѣдній, быть
можетъ,
Дай прильнуть устами къ рукѣ,
Подъ черной тучей бѣлѣетъ она!

Дочь Зодчаго.

Въ послѣдній разъ къ рукѣ прикоснись.

Поэтъ.

Въ эту ночь впервые тебя узнаю.

Дочь Зодчаго.

Въ послѣдній разъ ты видишь меня.

Поэтъ.

Зачѣмъ такъ ярко вспыхнула юность?
Развѣ скоро жизнь догоритъ?
Развѣ юность прошла, королевна?

Дочь Зодчаго.

Я надъ жизнью твоей властна.
Кто со мною — будетъ свободенъ.
Королевной меня не зови,
Я — дочь безумной толпы!

Поэтъ.

Такъ же свисталъ осенній вѣтеръ,
Такъ же летѣла тучами пыль,
Когда я увидѣлъ впервые
Твой легкій, твой странный образъ!

Дочь Зодчаго.

Я искала въ тебѣ героя.
Я грядущему въ очи смотрю.

Поэтъ.

Ты сходила ко мнѣ изъ высокихъ покоевъ.
Ты смотрѣла, какъ смотришь теперь, на зарю!

Дочь Зодчаго.

Прошедшаго нѣтъ.

Блѣдная молнія.

Поэтъ.

Но вѣтеръ игралъ въ очертаніяхъ сонныхъ,
И я предъ тобою—былъ свѣтлый поэтъ,
Овѣянный вѣтромъ твоимъ.
И въ глазахъ твоихъ склоненныхъ
Я прочелъ, что тобою любимъ.

Дочь Зодчаго.

Забудь о прошедшемъ. Прошедшаго нѣтъ.

Поэтъ.

Но ты рукою коснулась меня!
Я къ этой рукѣ устами приникъ!
И въ темныхъ твоихъ волосахъ
Королевскій вспыхнулъ вѣнецъ!

Дочь Зодчаго.

Я никогда не была королевной!
И какъ мнѣ пышность узнать?
Я—нищая дочь толпы.

Поэтъ.

Въ послѣдній разъ—въ одичаломъ мракѣ—
Я вижу—горитъ королевскій вѣнецъ
Въ темныхъ твоихъ волосахъ!
Или молніи свѣтъ скользнулъ?
Какъ озарилось твое лицо!

Въ блѣдномъ свѣтѣ молніи кажется, что ея черные шелка свѣтятся. Въ темныхъ волосахъ зажглась корона. Она внезапно обнимаетъ его...

Изъ дальнихъ кварталовъ, съ дальнихъ площадей и улицъ несется возрастающій вой прибывающей толпы. Кажется, сама грозовая ночь захлебнулась этимъ воемъ, этимъ свистомъ бури, всхлипываньемъ волнъ, бьющихъ въ берегъ, въ дрожащемъ, матовомъ, пресыщенномъ грозою блескѣ.

Дочь Зодчаго (внезапно выпрямляясь, отталкиваетъ его отъ себя.

Видишь, море швыряется въ берегъ?
Видишь, зажглись лампады молній?
Братья ждутъ меня! Прощай!

Онъ остается одинъ, въ непроглядномъ мракѣ, между прибоемъ моря и хлынувшей надъ нимъ на площадь толпы.

Она поднимается по ступенямъ и вступаетъ на площадь. Дикій вой.

Человѣкъ съ факеломъ (несется въ толпѣ и кричитъ на бѣгу, какъ бы подхваченный вѣтромъ).

Съ мола дали знакъ! Кто то видѣлъ корабль съ башни!

Появляются новые факелы, распространяя дымный красноватый свѣтъ. Высокая фигура въ черномъ на одной изъ ступеней террассы.

Человѣкъ въ черномъ.

Вы собрались здѣсь всѣ. Ночь наступаетъ. Истекли послѣдніе сроки, которые вамъ назначены для прихода этихъ несчастныхъ кораблей.

Ревъ и визгъ въ толпѣ.

И вотъ—кораблей нѣтъ! Берегитесь, голодные! Берегитесь, страдальцы! Васъ будутъ обманывать еще! Вамъ сулятъ невозможное счастье! Въ твоихъ рукахъ, оскорбленный народъ, месть тому, кто равнодушно смотритъ на твою гибель, вонъ тамъ, надъ моей головой!

Поднимаетъ руку, указывая на Короля. Толпа разрываетъ воздухъ воплемъ. Въ эту минуту рядомъ съ черной фигурой появляется Дочь Зодчаго. Она стоитъ молча и неподвижно смотритъ на толпу.

Голоса въ толпѣ.

Колдунья! Зачѣмъ она пришла?

Вдругъ прорывается женскій вопль:

Святая!

Другіе голоса (подхватывая, раскатываются по площади).

Въ тебѣ защита! Исцѣли наши раны!
Освободи! Помоги! Дай намъ новую жизнь!

Черная фигура заговорщика исчезаетъ. Дочь Зодчаго медленно поднимается по ступенямъ на терассу. Толпа затихаетъ.

Чей-то голосъ (слишкомъ обыденный, чтобы ясно слышать его, говоритъ):

Въ исторіи извѣстны примѣры, когда женщины... И я не удивлюсь...

Гдѣ то въ толпѣ мелькаетъ красный колпакъ Шута, и слышенъ сдержанный хохотъ его, покрываемый шипѣньемъ. Дочь Зодчаго появляется на терассѣ и останавливается въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Короля. Толпа совершенно безмолвна. Надъ городомъ, какъ бы умершимъ отъ восторга ожиданія, возвышаются только двое: Она и Король.

Она (прерываетъ молчаніе низкимъ и грудным голосомъ, который медленно несется сверху, какъ вздохъ, благовѣста).

Король! Грядущее въ рукахъ моихъ. Твой народъ передалъ мнѣ твою власть надъ собою.

Молчаніе.

Король! Во мнѣ довольно силы, чтобы сейчасъ сразить тебя. Никто не заплачетъ надъ твоимъ старымъ прахомъ, если исполнится моя воля.

Молчаніе. Голосъ становится ярче и тревожнѣе, какъ въ послѣдній разъ вспыхнувшій костеръ.

Король! Я не хочу убивать тебя. Если ты угаснешь, угаснетъ и вонъ та узкая полоса зари. Я могу больше, чѣмъ угашать свѣтъ. Я возвращу тебѣ прежнюю силу и отдамъ тебѣ прежнюю власть. Вотъ — я отдаю тебѣ мое петронутое тѣло, Король! Бери его, чтобы отъ юности моей вспыхнула юность въ твоемъ древнемъ разумѣ.

Молчаніе не нарушается ни однимъ звукомъ. Блѣднѣетъ красная полоска зари. Дочь Зодчаго двинулась впередъ. На разстояніи одного шага отъ Короля, она опускается на колѣни и прикасается устами къ королевской мантіи, складками лежащей на полу.

Она поднимается съ блѣднымъ лицомъ и глухо говоритъ сверху.

Дочь Зодчаго.

Не прикасайтесь. Дайте ему дремать и смотрѣть на звѣзды. Я узнала въ немъ нечать Отца.

И покорнымъ движеніемъ, спокойная, садится у ногъ его,

обнявъ гигантскія колѣни. Она кажется теперь ребенкомъ у ногъ царственнаго Отца.

Толпа все еще очарована. Носятся удивленные шопоты. Женщины тихо плачутъ. Шутъ пробирается сквозь толпу къ морю—съ удочкой и узелкомъ. Красный колпакъ его дрожитъ отъ вѣтра.

Шутъ (бормочетъ).

Я говорилъ, что море слишкомъ мутно сегодня. Я уже никому не нуженъ здѣсь. Кто послушается здраваго смысла, когда всѣ потеряли голову. Подождите, вы еще хватитесь меня, да только поздно. А пока здравому смыслу остается одно средство—эмиграція...

Спускается къ морю и уходитъ во мракъ—искать свою лодку.

Плачетъ ребенокъ. Испуганно баюкаетъ его нищая мать, но плачъ не смолкаетъ. Тогда нищая пронзительно вопитъ, поднимая ребенка надъ толпой.

Нищая.

Ребенокъ умираетъ!

Голосъ нищаго (присоединяется).

Помогите! Умираю...

Многіе голоса.

Хлѣба! Насъ обманули! Долой Короля! Долой дворецъ!

Тотъ же обыденный голосъ.

Фантазіями людей не накормишь. Пора самимъ дѣло дѣлать, когда власти бездѣйствуютъ.

Смятеніе. На сцену, со стороны моря, бѣгутъ люди, впереди стремительно бѣжитъ Золотой.

Золотой (кричитъ).

Корабли пришли! Счастье! Счастье!

Вдали взвивается ракета, за ней другая, — ракеты летятъ все чаще.

Голоса въ толпѣ.

Поздно! Поздно!

На ступени терассы выскакиваетъ черный — костлявый, какъ птица.

Черный.

Здравый смыслъ покинулъ васъ! Смотрите, вы безъ пищи и безъ крова, вы во власти Слуховъ, среди васъ мечутся золотые и красные черти! Жгите, разрушайте все, вы не можете ручаться за завтрашній день!

Изъ мрака снизу появляется поэтъ. Его восторженное лицо горитъ надъ площадью. На одинъ мигъ онъ останавливается среди толпы.

Поэтъ.

Счастье съ нами! Корабли пришли! Свободенъ!

Онъ начинаетъ свое послѣднее восхожденіе по ступенямъ терассы. Съ каждымъ шагомъ его растетъ ярость толпы. Съ каждымъ шагомъ Дочь Зодчаго сверху привѣтствуетъ его взорами.

Поэтъ (восходя).

Роза небесная! Иду къ тебѣ!

Дочь Зодчаго (у ногъ Короля).

Ты идешь къ Отцу.

Поэтъ (выше).

Смотри, осыпаются дождемъ ракеты—лепестки небесныхъ розъ!

Дочь Зодчаго.

Ты свободенъ.

Поэтъ (еще выше).

Твое лицо озарено!

Дочь Зодчаго.

Ближе! Ближе!

Поэтъ (на послѣдней ступени).

Здравствуй, небо!

Дочь Зодчаго.

Выше! Выше! Минуя меня, ты идешь къ Отцу!

Въ тотъ же мигъ разъяренная толпа хлынула на ступени за Поэтомъ. Снизу распатываются колонны. Вой и крики. Терасса рушится, увлекая за собою Короля, Поэта, Дочь Зодчаго, часть народа. Ясно видно, какъ въ красномъ свѣтѣ факеловъ люди рыщутъ внизу, разыскивая трупы, поднимаютъ каменный осколокъ мантіи, каменный обломокъ торса, каменную руку. Слышатся крики ужаса: Статуя! — Каменный истуканъ! Гдѣ король?

Зодчій (появляется надъ грудой обломковъ и неподвижно ждетъ, пока смолкнетъ толпа).

Я послалъ вамъ сына моего возлюбленнаго, и вы убили его. Я послалъ вамъ другого утѣшителя — дочь мою. И вы не пощадили ее. Я создалъ вамъ власть, я обтесалъ твердый мраморъ — и каждый день вы любовались красотою этихъ древнихъ кудрей, вышедшихъ изъ-подъ моего рѣзца. Вы разбили мое созданіе, и вотъ остается домъ вашъ пустымъ. Но завтра міръ будетъ попрежнему зеленъ, и море будетъ такъ же спокойно.

Отдѣльные померкшіе голоса.

Кто же накормитъ насъ? Кто вернетъ намъ мужей и дѣтей? Кто утишитъ нашу боль?

Зодчій.

Васъ накормитъ Тотъ, Кто движетъ свѣтилами, Тотъ, Кто поитъ черную землю дождями, Тотъ, Кто собираетъ тучи надъ моремъ. Васъ накормитъ Отецъ.

Онъ медленно спускается съ обломка дворца и пропадаетъ во мракѣ.

За картиной разрушенія нѣтъ больше ни одного огня. Надъ мысомъ господствуетъ блѣдный мракъ. Ропотъ толпы усиливается и сливается съ ропотомъ моря.

1906.

НЕЗНАКОМКА.

ИЗ ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

На портретѣ была изображена дѣйствительно необыкновенной красоты женщина. Она была сфотографирована въ черномъ шелковомъ платьѣ, чрезвычайно простого и изящнаго фасона; волосы, повидимому, темнорусые, были убраны просто, по-домашнему; глаза темные, глубокіе, лобъ задумчивый; выраженіе лица страстное и какъ бы высокомѣрное. Она была нѣсколько худа лицомъ, можетъ быть, и блѣдна...

Достоевскій.

— А какъ вы узнали, что это я? Гдѣ вы меня видѣли прежде? Что это, въ самомъ дѣлѣ, я какъ будто его гдѣ-то видѣла?

— Я васъ тоже будто видѣлъ гдѣ-то?

— Гдѣ? — Гдѣ?

— Я ваши глаза точно гдѣ-то видѣлъ... да этого быть не можетъ! Это я такъ... Я здѣсь никогда и не былъ. Можетъ быть, во снѣ...

Достоевскій.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

НЕЗНАКОМКА.
ГОЛУБОЙ.
ЗВѢЗДОЧЕТЪ.
ПОЭТЪ.
ПОСѢТИТЕЛИ КАБАЧКА И ГОСТИНОЙ.
ДВА ДВОРНИКА.

ПЕРВОЕ ВИДѢНІЕ.

Уличный кабачокъ. Подрагиваетъ бѣло-матовый свѣтъ ацетиленоваго фонаря въ смятомъ колпачкѣ. На обояхъ изображены совершенно одинаковые корабли съ огромными флагами. Они взрѣзаютъ носами голубыя воды. За дверью, которая часто раскрывается, впуская посѣтителей, и за больными окнами, украшенными плющемъ, идутъ прохожіе въ шубахъ и дѣвушки въ платочкахъ— подъ голубымъ вечернимъ снѣгомъ.

За прилавкомъ, на которомъ водружена бочка съ гномомъ и надписью «Кружка-бокалъ»—двое совершенно похожихъ другъ на друга: оба съ коками и проборами, въ зеленыхъ фартукахъ; только у хозяина усы внизъ, а у брата его, полового, усы вверхъ. У одного окна, за столикомъ, сидитъ пьяный старикъ,—вылитый Верлэнъ, у другого— безусый блѣдный человѣкъ, вылитый Гауптманъ. Нѣсколько пьяныхъ компаній.

Разговоръ въ одной компаніи.

Одинъ.

Купилъ я эту шубу за двадцать пять рублей. А тебѣ, Сашка, меньше тридцати ни за что не уступлю.

Другой (убѣдительно и съ обидой).

Да врешь ты!.. Да вотъ поди жъ ты... Я тебѣ...

Третій (усатый, кричитъ).

Молчать! Не ругаться! Еще бутылочку, любезный.

Половой подбѣгаетъ. Слышно, какъ булькаетъ пиво. Молчаніе.

Одинокій посѣтитель поднимается изъ угла и невѣрной походкой идетъ къ прилавку. Начинаетъ шарить въ блестящей посудинѣ съ вареными раками.

Хозяинъ.

Позвольте, господинъ. Такъ нельзя. Вы у насъ всѣхъ раковъ руками переберете. Никто кушать не станетъ.

Посѣтитель, мыча, отходитъ.

Разговоръ въ другой компаніи.

Семинаристъ.

И танцовала она, милый другъ ты мой, скажу я тебѣ, какъ небесное созданіе. Просто взялъ бы ее за бѣлыя ручки и прямо въ губки, скажу тебѣ, поцѣловалъ...

Собутыльникъ (визгливо хохочетъ).

Эка, эка, Васинька-то нашъ, размичтался, заалѣлъ, какъ маковъ цвѣтъ! А что она тебѣ за любовь-то? За любовь-то что?.. А?..

Всѣ визгливо хохочутъ.

Семинаристъ (совсѣмъ красный).

И милый другъ ты мой, скажу тебѣ, нехорошо смѣяться. Такъ бы вотъ взялъ ее, и унесъ бы отъ нескромныхъ взоровъ, и на улицѣ плясала бы она передо мной на бѣломъ снѣгу... какъ птица, летала бы. И откуда мои крылья взялись, — самъ полетѣлъ бы за ней, надъ бѣлыми снѣгами...

Всѣ хохочутъ.

Второй собутыльникъ.

Ты, Васька, смотри, того, по первопутку-то не очень полетишь...

Первый собутыльникъ.

Тебѣ бы по морозцу-то легче, а то съ твоей милой какъ разъ въ грязь угодишь...

Второй собутыльникъ.

Мечтатель.

Семинаристъ (совсѣмъ осоловѣлъ).

Эхъ, милые други, въ семинаріи не учась, скажу я вамъ, вы нѣжныхъ чувствъ не понимаете. А впрочемъ, еще бы пивца...

Верлэнъ (бормочетъ громко, самъ съ собою).

Каждому свое. Каждому свое...

Гауптманъ дѣлаетъ выразительные знаки половому. Входятъ рыжій мужчина и дѣвушка въ платочкѣ.

Дѣвушка (половому).

Бутылку портеру, Миша. (Продолжаетъ быстро разсказывать мужчинѣ)... только она, милый мой, вышла, хвать—забыла хозяйку пивомъ угостить. Сейчасъ—назадъ, а ужъ онъ комодъ открылъ, да и роется, все перерылъ, все перерылъ, думалъ — не скоро вернется... Она, милый мой, кричать, а онъ, милый мой, ей ротъ зажимать. Ну, все-таки хозяйка прибѣжала, да сама кричать, да дворника позвала; такъ его, милый мой, сейчасъ въ участокъ... (Быстро прерываетъ). Дай двугривенный.

Мужчина хмуро вынимаетъ двугривенный.

Дѣвушка.

Тебѣ нешто жалко?

Мужчина.

Пей, да помалкивай.

Молчатъ. Пьютъ. Вбѣгаетъ молодой человѣкъ и радостно бросается къ Гауптману.

Молодой человѣкъ.

Костя, другъ, она у дверей дожидаетъ!..

Гауптманъ.

Ладно. Пошляется еще. Давай, выпьемъ.

Верлэнъ 'громко бормочетъ'.

И всѣмъ людямъ—свое занятіе... И каждому — свое безпокойство.

Входитъ поэтъ. Подзываетъ полового.

Поэтъ.

Угостить васъ?

Половой (прирожденный юмористъ).

Великая честь-съ... Отъ знаменитаго лица-съ...

Убѣгаетъ за пивомъ. Поэтъ вынимаетъ записную книжку. Тишина. Ацетиленъ шипитъ. Похрустываютъ бублики. Половой приноситъ Поэту бутылку пива и садится на край стула противъ него.

Поэтъ.

Вы послушайте только. Бродить по улицамъ, ловить отрывки незнакомыхъ словъ. Потомъ — прійти вотъ сюда и разсказать свою душу подставному лицу.

Половой.

Непонятно-съ, но весьма утончено-съ...

Срывается со стула и бѣжитъ на зовъ посѣтителя. Поэтъ пишетъ въ книжкѣ.

Дѣвушка (напѣваетъ).

Какъ люблю я ее...
А она за любовь...

Половой возвращается къ Поэту.

Поэтъ (пьетъ).

Видѣть много женскихъ лицъ. Сотни глазъ, большихъ и глубокихъ, синихъ, темныхъ, свѣтлыхъ. Узкихъ, какъ глаза рыси. Открытыхъ широко, младенчески. Любить ихъ. Желать ихъ. Не можетъ быть человѣка, который не любитъ. И вы ихъ должны любить.

Половой.

Слушаю-съ.

Поэтъ.

И среди этого огня взоровъ, среди вихря взоровъ, возникнетъ внезапно, какъ бы расцвѣтетъ подъ голубымъ снѣгомъ—одно лицо: единственно прекрасный ликъ Незнакомки, подъ густою, темной вуалью... Вотъ качаются перья на шляпѣ... Вотъ узкая рука, стянутая перчаткой, держитъ шелестящее платье... Вотъ медленно проходитъ она... проходитъ она...

Жадно пьетъ.

Верлэнъ (бормочетъ).

И все проходитъ. И каждому—своя забота.

Семинаристъ (заплетающимся языкомъ.

Танцовала она, какъ небесный, скажу вамъ, ангелъ, а вы, черти и разбойники, не стоите ея мизинца. А впрочемъ выпьемъ.

Собутыльникъ.

Мичтатель. Оттого и пьешь. И всѣ мы—мичтатели. Поцѣлуй меня, дружокъ.

Обнимаются.

Семинаристъ.

И никто ее такъ не полюбитъ, какъ я. И будемъ мы на бѣломъ снѣгу свою грустную жизнь доживать. Она — плясать, а я—на шарманкѣ играть. И полетимъ. И подъ самый серебряный мѣсяцъ залетимъ. И туда, чортъ возьми, скажу я вамъ, дурацкимъ вашимъ грязнымъ носамъ, милые други, не соваться. И все таки, я очень васъ люблю и высоко ставлю. Кто изъ одной бутылки не пивалъ, тотъ и дружбы не видалъ.

Всѣ хохочутъ.

Собутыльникъ.

Аій-да Васька! Ужъ очень складно! Поцѣлуемся, дружокъ.

Молодой человѣкъ (Гауптману).

Однакожъ, будетъ. Что ей столько на морозѣ дожидать? Замерзнетъ совсѣмъ. Пойдемъ, братъ Костя.

Гауптманъ.

Брось. Если женскому праву потакать, такъ отъ мужчины ничего не останется—только ему въ рожу плюнуть. Пусть поцѣлуется, а мы еще посидимъ.

Молодой человѣкъ послушался. Всѣ посѣтители пьютъ и хмелѣютъ.

Человѣкъ въ желтомъ трепаномъ пальто, сидѣвшій отдѣльно, встаетъ и обращается къ честной компаніи съ рѣчью.

Человѣкъ въ пальто.

Государи мои! Есть у меня небольшая вещица—весьма цѣнная миніатюра. (Вытаскиваетъ изъ кармана камею). Вотъ-съ, не угодно ли: съ одной стороны—изображеніе эмблемы, а съ другой—пріятная дама въ тюникѣ на земномъ шарѣ сидитъ и надъ этимъ шаромъ держитъ скипетръ: подчиняйтесь, молъ, повинуйтесь—и больше ничего!

Всѣ одобрительно смѣются. Нѣкоторые подходятъ и разсматриваютъ камею.

Поэтъ (захмелѣвшій).

Вѣчная сказка. Это—Она — Міроправительница. Она держитъ жезлъ и повелѣваетъ міромъ. Всѣ мы очарованы Ею.

Человѣкъ въ пальто.

Радъ служить русской интеллигенціи. Дешево продамъ, хотя досталось не дешево, но ужъ, какъ говорится, только по дружбѣ. Вижу, что любитель. Ну, такъ по рукамъ.

Поэтъ даетъ ему монету. Беретъ камею, разсматриваетъ ее. Человѣкъ въ пальто садится на свое мѣсто. Разговоръ продолжается только между двумя сидящими за отдѣльнымъ столикомъ.

Первый (беретъ юмористическій журналъ).

А теперь пришло время намъ повеселиться. Ну, Ваня, слушай (торжественно развертываетъ журналъ и читаетъ): «Любящіе супруги. Мужъ:—Ты, милочка, зайди сегодня къ мамашѣ и попроси ее...»

Заранѣе отчаянно хохочетъ.

Второй.

Ишь, чортъ возьми, здорово!

Первый (продолжаетъ читать).

«... И попроси ее... подарить Катенькѣ куколку...»

Страшно хохочетъ.

Первый (читаетъ).

«Жена: — что ты, милочка! Катенькѣ ужъ скоро двадцать лѣтъ. (Еле можетъ прочесть отъ смѣха). Ей ужъ не куколку, а женишка пора подарить».

Громовой хохотъ.

Второй.

Вотъ такъ здорово!

Первый.

Что называется, отбрила!

Второй.

Чортъ ихъ дери, ловко пишутъ!..

И опять одинокій посѣтитель шаритъ въ посудинѣ. Онъ вытаскиваетъ красныхъ раковъ за клешни. Подержитъ и положитъ. И опять хозяинъ отгоняетъ его.

Поэтъ (разсматриваетъ камею). Вѣчное возвращеніе. Снова Она объемлетъ шаръ земной. И снова мы подвластны Ея очарованію. Вотъ она кружитъ свой процвѣтающій жезлъ. Вотъ Она кружитъ ме-

ня... И я кружусь съ Нею... Подъ голубымъ... подъ вечернимъ снѣгомъ...

Семинаристъ.

Танцуетъ... Танцуетъ... Я на шарманкѣ, а она подъ шарманку... (Дѣлаетъ пьяные жесты, какъ будто что-то ловитъ). Вотъ, не поймалъ... опять не поймалъ... но и вамъ, черти, не поймать, если ужъ мнѣ не поймать...

Медленно, медленно начинаютъ кружиться стѣны кабачка. Потолокъ наклоняется, одинъ конецъ его протягивается вверхъ безконечно. Корабли на обояхъ, кажется, плывутъ близко, а все не могутъ доплыть. Сквозь смутный общій говоръ, человѣкъ въ пальто, уже присосѣдившійся къ кому-то, кричитъ:

Человѣкъ въ пальто.

Нѣтъ-съ, я любитель; Люблю острый сыръ, знаете, такой круглый! Дѣлаетъ круго-образные жесты). Забылъ названіе.

Его собесѣдникъ (неувѣренно).

А вы... пробовали?

Человѣкъ въ пальто.

Что пробовалъ? Вы думаете, нѣтъ? Я рошефоръ кушалъ!

Собесѣдникъ (подъ которымъ качается стулъ).

А знаете... Люксем—бургскій... такъ пахнетъ нехорошо... и шевелится, шевелится... (Чмокаетъ губами, шевелитъ пальцами).

Человѣкъ въ пальто (вдохновенно встаетъ).

Швейцарскій!.. Вотъ что-съ! (Щелкаетъ пальцами).

Собесѣдникъ (мигаетъ и сомнѣвается).

Ну, этимъ не удивите...

Человѣкъ въ пальто (громко, какъ ружейный залпъ).

Бри!

Собесѣдникъ.

Ну это... это... знаете...

Человѣкъ въ пальто (угрожающе).

Что знаете?

Собесѣдникъ (уничтоженъ.)

Все вертится, кажется, перевернется сейчасъ. Корабли на обояхъ плывутъ, вспѣнивая голубыя воды. Одну минуту кажется, что все стоитъ вверхъ ногами.

Верлэнъ (бормочетъ).

И всему свой чередъ... И всѣмъ пора итти домой...

Гауптманъ (оретъ).

Шлюха она, ну и пусть шляется! А мы выпьемъ!

Дѣвушка (поетъ въ ухо мужчинѣ).

Прощай, желанный мой...

Семинаристъ.

Снѣгъ танцуетъ. И мы танцуемъ. И шарманка плачетъ. И я плачу. И мы всѣ плачемъ.

Поэтъ.

Синій снѣгъ. Кружится. Мягко падаетъ. Синія очи. Густая вуаль. Медленно проходитъ Она. Небо открылось. Явись! Явись!

Весь кабачокъ какъ будто нырнулъ куда-то. Стѣны разступаются. Окончательно наклонившійся потолокъ открываетъ небо—зимнее, синее, холодное. Въ голубыхъ вечернихъ снѣгахъ открывается—

ВТОРОЕ ВИДѢНІЕ.

Тотъ же вечеръ. Конецъ улицы на краю города. Послѣдніе дома, обрываясь внезапно, открываютъ широкую перспективу: темный пустынный мостъ черезъ большую рѣку. По обѣимъ сторонамъ моста дремлютъ тихіе корабли съ сигнальными огнями. За мостомъ тянется безконечная, прямая, какъ стрѣла, аллея, обрамленная цѣпочками фонарей и бѣлыми отъ инея деревьями. Въ воздухѣ порхаетъ и звѣздится снѣгъ.

Звѣздочетъ (на мосту).

Ночь полнозвѣздная свѣтла.
У взора—только два крыла.
Но счетъ звѣздамъ вести нельзя—
Туманна млечная стезя,
И бѣдный взоръ туманится...
Кто этотъ пьяница?

Два дворника волокутъ подъ руки пьянаго поэта.

Разъяренные дворники.

Онъ—посѣтитель кабачка,
И съ нимъ расправа коротка!

Эй, Ванька, дай ему щелчка!
Эй, Васька, дай ему толчка!

Волокутъ поэта дальше.

Звѣздочетъ.

Восходитъ новая звѣзда.
Всѣхъ ослѣпительнѣй она.
Недвижна темная вода,
И въ ней звѣзда отражена.
Ахъ! падаетъ, летитъ звѣзда...
Лети сюда! сюда! сюда!

По небу, описывая медленную дугу, скатывается яркая и тяжелая звѣзда. Черезъ мигъ по мосту идетъ прекрасная женщина въ черномъ, съ удивленнымъ взоромъ расширенныхъ глазъ. Все становится сказочнымъ— темный мостъ и дремлющіе голубые корабли. Незнакомка застываетъ у перилъ моста, еще храня свой блѣдный падучій блескъ. Снѣгъ, вѣчно юный, одѣваетъ ея плечи, опушаетъ станъ. Она, какъ статуя, ждетъ.

Такой же Голубой, какъ она, восходитъ на мостъ изъ темной аллеи. Также въ снѣгу. Также прекраснъ. Онъ колеблется, какъ тихое, синее пламя.

Голубой.

Въ блескѣ зимней ночи тающая,
Обрати ко мнѣ твой ликъ.
Ты, снѣгами тихо вѣющая,
Подари мнѣ легкій снѣгъ.

Она обращаетъ очи къ нему.

Незнакомка.

Очи—звѣзды умирающія,
Уклонившись отъ пути.
О тебѣ, мой легковѣющій,
Я грустила въ высотѣ.

Его голубой плащъ осыпанъ снѣжными звѣздами.

Голубой.

Въ сипевѣ твоей морозной
Много звѣздъ.
Подъ рукой моей желѣзной
Свѣтлый мечъ.

Незнакомка.

Опусти въ рукѣ желѣзной
Свѣтлый мечъ.
Въ сипевѣ моей морозной
Звѣздъ не счесть.

Голубой дремлетъ въ блѣдномъ свѣтѣ. На фонѣ плаща его свѣтится лучъ, какъ будто онъ оперся на мечъ.

Голубой.

Протекали столѣтья, какъ сны.
Долго ждалъ я тебя на землѣ.

Незнакомка.

Протекали столѣтья, какъ миги.
Я звѣздою въ пространствахъ текла.

Голубой.

Ты мерцала съ твоей высоты
На моемъ голубомъ плащѣ.

Незнакомка.

Ты глядѣлся въ мои глаза.
Часто на небо смотришь ты?

Голубой.

Больше взора поднять не могу:
Тобою, падучей, скованъ мой взоръ.

Незнакомка.

Ты можешь сказать мнѣ земныя слова?
Отчего ты весь въ голубомъ?

Голубой.

Я слишкомъ долго въ небо смотрѣлъ:
Оттого—голубые глаза и плащъ.

Незнакомка.

Кто ты?

Голубой.

Поэтъ.

Незнакомка.

О чемъ ты поешь?

Голубой.

Все о тебѣ.

Незнакомка

Давно ли ты ждешь?

Голубой.

Много столѣтій.

Незнакомка.

Ты мертвъ или живъ?

Голубой.

Не знаю.

Незнакомка.

Ты юнъ?

Голубой.

Я красивъ.

Незнакомка.

Падучая дѣва-звѣзда
Хочетъ земныхъ рѣчей.

Голубой.

Только о тайнахъ знаю слова,
Только торжественны рѣчи мои.

Незнакомка.

Знаешь ты имя мое?

Голубой.

Не знаю—и лучше не знать.

Незнакомка.

Видишь ты очи мои?

Голубой.

Вижу. Какъ звѣзды—они.

Незнакомка.

Ты видишь мой стройный станъ?

Голубой.

Да. Ослѣпительна ты.

Въ голосѣ Ея просыпается земная страсть.

Незнакомка.

Ты хочешь меня обнять?

Голубой.

Я коснуться не смѣю тебя.

Незнакомка.

Ты можешь коснуться устъ.

Плащъ Голубого колеблется, исчезая подъ снѣгомъ.

Незнакомка.

Ты знаешь ли страсть?

Голубой (тихо).

Кровь молчалива моя.

Незнакомка.

Ты знаешь вино?

Голубой (еще тише).

Звѣздный напитокъ—слаще вина.

Незнакомка.

Ты любишь меня?

Голубой молчитъ.

Незнакомка.

Кровь закипаетъ во мнѣ.

Тишина.

Незнакомка.

Ядомъ исполнено сердце.
Я стройнѣе всѣхъ вашихъ дѣвъ.
Я красивѣе вашихъ дамъ.
Я страстнѣе вашихъ невѣстъ.

Голубой дремлетъ,
весь осыпанный снѣгомъ.

Незнакомка.

Какъ сладко у васъ на землѣ!

Голубого больше нѣтъ.
Закружился голубоватый снѣжный столбъ, и, кажется, на этомъ мѣстѣ и не было никого. Зато рядомъ съ Незнакомкой проходящій господинъ приподнимаетъ котелокъ.

Господинъ.

Вы съ кѣмъ-то бесѣду вели?
Но здѣсь не видать никого.
Прелестный вашъ голосъ звучалъ
Въ пространствѣ пустомъ...

Незнакомка.

Гдѣ онъ?

Господинъ.

О, да, безъ сомнѣнія, вы
Кого-то ждали сейчасъ!
Позвольте—нескромный вопросъ...
Кто былъ вашъ незримый другъ?

Незнакомка.

Онъ былъ красивъ. Въ голубомъ плащѣ.

Господинъ.

О, романтика женской души!
И на улицѣ видите вы
Мужчинъ въ голубыхъ плащахъ!
Но какъ же звали его?

Незнакомка.

Онъ назвалъ себя: поэтъ.

Господинъ.

Я тоже поэтъ! я тоже поэтъ!
По крайней мѣрѣ, смотря
Въ прекрасные ваши глаза,
Я могъ бы спѣть вамъ куплетъ:
«Ахъ, какъ ты хороша!»

Незнакомка.

Ты хочешь любить меня?

Господинъ.

О, да! И очень не прочь.

Незнакомка.

Ты можешь обнять меня?

Господинъ.

Хотѣлъ бы знать, почему
Не могу я тебя обнять?

Незнакомка.

И, устъ касаясь моихъ,
Ты будешь ласкать меня?

Господинъ.

Пойдемъ, красотка моя!
«Исполню все, что велишь»,
Какъ сказалъ старичекъ Шекспиръ...
Ты видишь теперь, что и я
Поэзіи очень не чуждъ!

Незнакомка покорно даетъ ему руку.

Господинъ.

Какъ имя твое?

Незнакомка.

Постой.

Дай вспомнить. Въ небѣ, средь звѣздъ,
Не носила имени я...
Но здѣсь, на синей землѣ,
Мнѣ нравится имя «Марія»...
«Марія»—зови меня.

Господинъ.

Какъ хочешь, красотка моя.
Вѣдь мнѣ лишь только бы знать,
Что ночью тебѣ шептать.

Уводитъ Незнакомку подъ руку. Слѣдъ ихъ заметаетъ голубой снѣгъ.

Звѣздочетъ снова на мосту. Онъ—въ тоскѣ. Простираетъ руки въ небо. Поднялъ взоры.

Звѣздочетъ.

Нѣтъ больше прекрасной звѣзды!
Синяя бездна пуста!
Я ритмы утратилъ
Астральныхъ пѣсенъ моихъ!
Отнынѣ рѣжутъ мнѣ слухъ
Дребезжащія пѣсни свѣтилъ!
Сегодня въ башнѣ моей
Скорбной рукой занесу
Въ длинные свитки мои
Вѣсть о паденьи свѣтлѣйшей звѣзды...
И тихо ее назову
Именемъ дальнимъ,
Именемъ, нѣжащимъ слухъ:

«Марія»—да будетъ имя ея.
Въ желтыхъ свиткахъ
Начертано будетъ
Моей одинокой рукой:
«Пала Марія—звѣзда.
«Больше не будетъ смотрѣть мнѣ въ глаза.
«Звѣздочетъ остался одинъ!».

Тихо плачетъ. Поэтъ поднимается на мостъ изъ аллеи.

Поэтъ.

О, заклинаю васъ всѣмъ святымъ!
Вашей тоской!
Вашей невѣстой, когда
Есть невѣста у васъ!
Скажите, была ли здѣсь
Высокая женщина въ черномъ?

Звѣздочетъ.

Грубые люди! Оставьте меня.
Я женщинъ не вижу съ тѣхъ поръ,
Какъ пала моя звѣзда.

Поэтъ.

Понятна мнѣ ваша скорбь.
Я такъ же, какъ вы, одинокъ.
Вы, вѣрно, какъ я,—поэтъ.
Случайно, не видѣли ль вы
Незнакомку въ снѣгахъ голубыхъ?

Звѣздочетъ.

Не помню. Здѣсь многія шли,
И очень прискорбно мнѣ,
Что вашей не могъ я узнать...

Поэтъ.

О, если бъ видѣли вы,—
Забыли бъ свою звѣзду!

Звѣздочетъ.

Не вамъ говорить о звѣздахъ;
Черезчуръ легкомысленны вы,
И я попросилъ бы васъ
Въ мою профессію носъ не совать.

Поэтъ.

Всѣ ваши обиды снесу!
Повѣрьте, униженъ я
Ничуть не меньше, чѣмъ вы...
О, если бъ я не былъ пьянъ,
Я шелъ бы слѣдомъ за ней!
Но двое тащили меня,
Когда я замѣтилъ ее...
Потомъ я упалъ въ сугробъ,
Они ругаясь, ушли,
Рѣшившись бросить меня...
Не помню, долго-ль я спалъ...
Проснувшись, вспомнилъ, что снѣгъ
Замелъ ея нѣжный слѣдъ!

Звѣздочетъ.

Я смутно припомнить могу
Печальную вещь для васъ;
Дѣйствительно, васъ вели,
Вамъ давали толчки и пинки,
И былъ неувѣренъ вашъ шагъ...
Потомъ, я помню сквозь сонъ,
Какъ на мостъ дама взошла,
И къ ней подошелъ голубой господинъ...

Поэтъ.

О, нѣтъ!.. Голубой господинъ...

Звѣздочетъ.

Не знаю, о чемъ говорили они.
Я больше на нихъ не смотрѣлъ.
Потомъ они, вѣрно, ушли...
Я такъ былъ занятъ своимъ...

Поэтъ.

И снѣгъ замелъ ихъ слѣды!..
Мнѣ больше не встрѣтить Ее!
Встрѣчи такія
Бываютъ въ жизни лишь разъ...

Оба плачутъ подъ голубымъ снѣгомъ.

Звѣздочетъ.

Стоитъ ли плакать объ этомъ?
Гораздо глубже горе мое:
Я утратилъ астральный ритмъ!

Поэтъ.

Я ритмъ души потерялъ.
Надѣюсь, это—важнѣй!

Звѣздочетъ.

Скорбь занесетъ въ мои свитки:
«Пала звѣзда—Марія!»

Поэтъ.

Прекрасное имя: «Марія!»
Я буду писать въ стихахъ:
«Гдѣ ты, Марія?
«Не вижу зари я».

Звѣздочетъ.

Ну, ваше горе пройдетъ!
Вамъ надо только стихи
Какъ можно длиннѣй сочинять!
О чемъ же плакать тогда?

Поэтъ.

А вамъ, господинъ звѣздочетъ,
Довольно въ свитки свои

На пользу студентамъ вписать:
«Пала Марія—Звѣзда!»

Оба грустятъ подъ голубымъ снѣгомъ. Пропадаютъ въ немъ. И снѣгъ груститъ. Онъ запорошилъ уже и мостъ, и корабли. Онъ построилъ бѣлыя стѣны на канвѣ деревьевъ, вдоль стѣнъ домовъ, на телеграфныхъ проволокахъ. И даль земная, и даль рѣчная поднялись бѣлыми стѣнами, такъ что все бѣло, кромѣ сигнальныхъ огней на корабляхъ и освѣщенныхъ оконъ домовъ. Снѣжныя стѣны уплотняются. Онѣ кажутся близкими одна къ другой. Понемногу открывается—

ТРЕТЬЕ ВИДѢНІЕ.

Большая гостиная комната съ бѣлыми стѣнами, на которыхъ ярко горятъ электрическія лампы. Дверь въ переднюю открыта. Тоненькій звонокъ часто извѣщаетъ о приходѣ гостей. На диванахъ, креслахъ и стульяхъ уже сидятъ хозяева и гости; хозяйка дома—пожилая дама, какъ бы проглотившая аршинъ; передъ нею—корзинка съ бисквитами, ваза съ фруктами и чашка дымящагося чаю; противъ нея—глухой старикъ съ глупымъ лицомъ жуетъ и хлебаетъ. Молодые люди, въ безукоризненныхъ смокингахъ, частью разговариваютъ съ другими дамами, частью толпятся стадами въ углахъ. Общій гулъ безсмысленныхъ разговоровъ.

Хозяинъ дома встрѣчаетъ гостей въ передней и каждому сначала деревяннымъ голосомъ кричитъ: «А—а—а»! а потомъ говоритъ пошлость. Въ настоящій моментъ онъ занятъ тѣмъ же.

Хозяинъ дома (въ передней).

А—а—а! Ну и закутались же вы, батюшка!

Голосъ гостя.

И холодъ же, доложу я вамъ! Въ шубѣ—и то замерзъ.

Гость сморкается. Такъ какъ разговоръ въ гостиной почему-то исчерпался, слышно, какъ хозяинъ конфиденціально говоритъ гостю:

Хозяинъ.

А гдѣ шили?

Гость.

У Шевалье.

Изъ двери торчатъ фалды хозяйскаго сюртука. Хозяинъ разсматриваетъ шубу.

Хозяинъ.

А сколько платили?

Гость.

Тысячу.

Хозяйка, стараясь замять разговоръ, кричитъ:

Хозяйка.

Cher Иванъ Павловичъ! Идите скорѣе! Только васъ и ждали! Вотъ, Аркадій Романовичъ обѣщался намъ сегодня спѣть!

Аркадій Романовичъ, подходя къ хозяйкѣ, дѣлаетъ различные жесты, долженствующіе показать, что онъ невысокаго о себѣ мнѣнія. Хозяйка

жестами же старается показать ему обратное.

Молодой человѣкъ Жоржъ.

Совершенная дура твоя Серпантини, Миша. Такъ танцовать, какъ она вчера, значитъ— не имѣть никакого стыда.

Молодой человѣкъ Миша.

Ты, Жоржъ, ровно ничего не понимаешь! Я совершенно влюбленъ. Это—для немногихъ. Вспомни, у нея совсѣмъ классическая фигура—руки, ноги...

Жоржъ.

Я пошелъ туда затѣмъ, чтобы наслаждаться искусствомъ. На ножки я могу смотрѣть и въ другомъ мѣстѣ.

Хозяйка.

О чемъ это вы тамъ, Георгій Николаевичъ? Ахъ, о Серпантини! Какой ужасъ, не правда ли? Во-первыхъ—интерпретировать музыку—это ужъ одно—наглость. Я такъ страстно люблю музыку и ни за что, ни за что не допущу, чтобъ надъ ней надругались. Потомъ—танцовать безъ костюма—это... это я не знаю, что! Я увела мою дочь.

Жоржъ.

Я совершенно согласенъ съ вами. А вотъ Михаилъ Ивановичъ—другого мнѣнія...

Хозяйка.

Что вы, Михаилъ Ивановичъ! По-моему, здѣсь двухъ мнѣній не можетъ быть! Я понимаю, молодымъ людямъ свойственно увлекаться, но на публичномъ концертѣ... когда ногами изображаютъ Баха... Я сама музыкантша... страстно люблю музыку... Какъ хотите...

Старикъ, сидящій противъ хозяйки, неожиданно и просто выпаливаетъ:

Старикъ.

Публичный домъ.

Продолжаетъ хлѣбать чай и жевать бисквиты. Хозяйка краснѣетъ и обращается къ одной изъ дамъ.

Миша.

Ахъ, Жоржъ, всѣ вы ничего не понимаете! Развѣ это—интерпретація музыки? Серпантини сама—воплощеніе музыки. Она плыветъ на волнахъ звуковъ и, кажется, самъ плывешь за нею. Неужели тѣло, его линіи, его гармоническія движенія—сами по себѣ не поютъ такъ же, какъ звуки? Тотъ, кто истинно чувствуетъ музыку, не оскорбляется за нее. У васъ отвлеченное отношеніе къ музыкѣ...

Жоржъ.

Мечтатель! Завелъ машину. Строишь какія-то теоріи и ничего не слушаешь и не

видишь. Я о музыкѣ даже не говорю, [и мнѣ, въ концѣ концовъ, наплевать! И я былъ бы очень радъ видѣть все это въ отдѣльномъ кабинетѣ. Но согласись же, не объявить на афишѣ, что Серпантини будетъ завернута въ одну тряпку,—это значитъ поставить всѣхъ въ пренеловкое положеніе. Еслибъ я зналъ, я не повелъ бы туда мою невѣсту (Миша разсѣянно шаритъ въ корзинкѣ съ бисквитами). Послушай, оставь бисквиты. Вѣдь противно ѣсть, если все перетрогаешь. Смотри, какъ на тебя смотритъ кузина. А все оттого, что ты разсѣянъ. Эхъ, мечтатели.

Миша, сконфуженно мыча, удаляется въ другой уголъ.

Старикъ (внезапно, хозяйкѣ).

Нина! Сиди смирно. У тебя на спинѣ платье разстегнулось.

Хозяйка (вспыхнувъ).

Да, полно, дядя, нельзя же при всѣхъ! Вы слишкомъ... откровенны...

Старается незамѣтно застегнуть платье. Въ комнату впархиваетъ молодая дама, за ней идетъ огромный рыжій господинъ.

Дама.

Ахъ, здравствуйте, здравствуйте! Вотъ, позвольте васъ познакомить: мой женихъ.

Рыжій господинъ.

Очень пріятно.

Угрюмо удаляется въ уголъ.

Дама.

Пожалуйста, не обращайте на него вниманія. Онъ очень застѣнчивъ. Ахъ, представьте, какой случай!..

Торопливо пьетъ чай и шопотомъ разсказываетъ хозяйкѣ что-то пикантное, судя по тому, что обѣ ерзаютъ по дивану и хихикаютъ.

Дама (вдругъ оборачивается къ жениху).

У тебя мой платокъ?

Женихъ угрюмо вытаскиваетъ платокъ.

Дама.

Тебѣ жалко, что ли?

Рыжій господинъ (неожиданно угрюмо).

Пей, да помалкивай.

Молчатъ. Пьютъ. Вбѣгаетъ молодой человѣкъ и радостно бросается къ другому. Въ послѣднемъ легко узнать того, кто увелъ Незнакомку.

Молодой человѣкъ.

Костя, другъ, да она у дверей дожида...

Запинается на полусловѣ. Все становится необычайно страннымъ. Какъ будто всѣ внезапно вспомнили, что гдѣ-то произносились тѣ же слова и въ томъ же порядкѣ. Михаилъ Ивановичъ смотритъ странными глазами на Поэта, который входитъ въ эту минуту. Поэтъ, блѣдный, дѣлаетъ общій поклонъ на порогѣ притихшей гостиной.

Хозяйка (съ натянутымъ видомъ).

Мы только васъ и ждали. Надѣюсь, вы прочтете намъ что-нибудь. Сегодня престранный вечеръ! Наша мирная бесѣда не клеится.

Старикъ (выпаливаетъ).

Точно кто-нибудь умеръ. Богу душу отдалъ.

Хозяйка.

Ахъ, дядя, перестаньте! Вы всѣхъ окончательно спугнете... Господа! Обновимъ нашъ разговоръ... *(Поэту)*. Вы прочтете намъ что-нибудь, не правда ли?

Поэтъ.

Съ удовольствіемъ... если это займетъ...

Хозяйка.

Господа! Молчаніе! Нашъ прекрасный поэтъ прочтетъ намъ свое прекрасное стихотвореніе, и, надѣюсь, опять о прекрасной дамѣ...

Всѣ замолкаютъ. Поэтъ становится у стѣны, прямо противъ двери въ переднюю, и читаетъ:

Поэтъ.

Уже сбѣгали съ плитъ снѣга,
Блестѣли, обнажаясь, крыши,
Когда въ соборѣ, въ темной нишѣ,
Ея блеснули жемчуга.
И отъ иконы въ нѣжныхъ розахъ
Медлительно сошла Она...

Тоненькій звонокъ въ передней. Хозяйка умоляюще складываетъ руки по направленію къ Поэту. Онъ прерываетъ чтеніе. Всѣ съ любопытствомъ заглядываютъ въ переднюю.

Хозяинъ,

Сію минуту. Прошу извиненія.

Выходитъ въ переднюю, но не кричитъ тамъ: «А—а—а!» Молчаніе.

Голосъ хозяина.

Чѣмъ могу служить?

Женскій голосъ отвѣчаетъ что-то. Хозяинъ появляется на порогѣ:

Хозяинъ.

Ниночка, какая-то дама. Ничего не могу разобрать. Вѣроятно къ тебѣ. Извините, господа, извините...

Сконфуженно улыбается во всѣ стороны. Хозяйка идетъ въ переднюю и запираетъ за собой дверь. Гости шепчутся.

Молодой человѣкъ (въ углу).

Да не можетъ быть...

Другой (прячась за него).

Да увѣряю тебя... вотъ скандалъ!.. Я слышалъ ея голосъ,..

Поэтъ стоитъ неподвижно противъ дверей. Двери открываются. Хозяйка вводитъ Незнакомку.

Хозяйка.

Господа, пріятный сюрпризъ. Моя очаровательная новая знакомая. Надѣюсь, мы примемъ ее съ радостью въ нашъ дружескій кружокъ. Марія... извините, я не разслышала, какъ васъ называть?

Незнакомка.

Марія.

Хозяйка.

Но... ваше отчество?

Незнакомка.

Марія. Я зову себя: Марія.

Хозяйка.

Хорошо, милочка. Я буду звать васъ: Мэри. Въ васъ есть нѣкоторая эксцентричность, не правда ли? Но тѣмъ веселѣе мы проведемъ сегодняшній вечеръ съ нашей восхитительной гостьей. Не правда ли, господа?

Всѣ сконфужены. Неловкое молчаніе. Хозяинъ замѣчаетъ, что одинъ изъ гостей проскользнулъ въ переднюю, и выходитъ за нимъ. Слышенъ извиняющійся шопотъ, слова: «не совсѣмъ здоровъ». Поэтъстоитънеподвижно.

Хозяйка.

Итакъ, можетъ быть, нашъ прекрасный поэтъ продолжитъ прерванное чтеніе? Дорогая Мэри, когда вы вошли, нашъ извѣстный поэтъ какъ разъ читалъ намъ... читалъ намъ.

Поэтъ.

Простите. Позвольте мнѣ прочесть въ другой разъ. Я такъ извиняюсь.

Никто не выражаетъ неудовольствія. Поэтъ подходитъ къ хозяйкѣ, которая нѣкоторое время дѣлаетъ умоляющіе жесты, но скоро перестаетъ. Поэтъ спокойно садится въ дальній уголъ. Задумчиво смотритъ на Незнакомку.

Горничная разноситъ, что полагается. Изъ общаго безсмысленнаго говора вырывается хохотъ, отдѣльныя слова и цѣлыя фразы:

Нѣтъ, какъ она танцовала! Да ты послушай! Русская интеллигенція...

Кто-то (Особенно громко).

Да и вамъ не поймать! Да и вамъ не поймать!

Всѣ забыли о Поэтѣ. Онъ медленно поднимается со своего мѣста. Онъ проводитъ рукою по лбу. дѣлаетъ нѣсколько шаговъ взадъ и впередъ по комнатѣ. По лицу его замѣтно, что онъ съ мучительнымъ усиліемъ припоминаетъ что-то. Въ это время, изъ общаго говора доносятся слова: «рокфоръ», «камамберъ». Вдругъ толстый человѣкъ, въ страшномъ увлеченіи, дѣлая кругообразные жесты, выскакиваетъ на середину комнаты съ крикомъ:

Бри!

Поэтъ сразу останавливается. Мгновеніе кажется, что онъ

вспомнилъ все. Онъ дѣлаетъ нѣсколько быстрыхъ шаговъ въ сторону Незнакомки. Но дорогу ему заслоняетъ Звѣздочетъ, въ голубомъ вицъ-мундирѣ, входящій изъ передней.

Звѣздочетъ.

Извините, я въ вицъ-мундирѣ и запоздалъ. Прямо изъ засѣданія. Пришлось дѣлать докладъ. Астрономія...

Поднимаетъ палецъ къ верху.

Хозяинъ (подходя).

Вотъ и мы только что говорили о гастрономіи. Ниночка, не пора ли ужинать?

Хозяйка (встаетъ).

Господа, прошу васъ!

Всѣ выходятъ вслѣдъ за нею. Въ потемнѣвшей гостиной остаются нѣкоторое время Незнакомка, Звѣздочетъ и Поэтъ. Поэтъ и Звѣздочетъ стоятъ въ дверяхъ, готовые выйти. Незнакомка медлитъ въ глубинѣ у темной полуоткрытой занавѣси окна.

Звѣздочетъ.

Намъ опять привелось встрѣтиться съ вами. Я очень радъ. Но пусть обстоятельства нашей первой встрѣчи останутся между нами.

Поэтъ.

Прошу о томъ же и васъ.

Звѣздочетъ.

Я только что сдѣлалъ докладъ въ астрономическомъ обществѣ—о томъ, чему вы были невольнымъ свидѣтелемъ. Поразительный фактъ: звѣзда первой величины...

Поэтъ.

Да, это очень интересно.

Звѣздочетъ (восторженно).

Да! Я занесъ въ мои списки новый параграфъ: «Пала звѣзда Марія!» Наука въ первый разъ... Ахъ, извините, что я не спрашиваю васъ о результатахъ вашихъ поисковъ...

Поэтъ.

Поиски мои были безрезультатны.

Онъ оборачивается въ глубь комнаты. Безнадежно смотритъ. На лицѣ его — томленіе, въ глазахъ—пустота и мракъ. Онъ натается отъ страшнаго напряженія. Но онъ все забылъ.

Хозяйка (на порогѣ)

Господа! Идите же въ столовую! Я не вижу Мэри...

(Грозитъ имъ пальцемъ).

Ахъ, молодые люди! Вы спрятали куда-нп-будь мою Мэри?

Всматривается въ глубь комнаты.

Гдѣ же Мэри? Да гдѣ же Мэри?

У темной занавѣси уже нѣтъ никого. За окномъ горитъ яркая звѣзда. Падаетъ голубой снѣгъ, такой же голубой, какъ вицъ-мундиръ исчезнувшаго Звѣздочета.

1906.

РОЗА И КРЕСТЪ

Посвящается ***

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ГРАФЪ АРЧИМБАУТЪ (владѣлецъ замка въ Лангедокѣ).
КАПЕЛЛАНЪ.
ДОКТОРЪ.
ПОВАРЪ.
ПЕРВЫЙ РЫЦАРЬ.
ВТОРОЙ РЫЦАРЬ.
АЛИСКАНЪ, пажъ.
БЕРТРАНЪ, по прозванію Рыцарь-Несчастіе, сторожъ замка.
ГАЭТАНЪ, сеньеръ Трауменека, труверъ.
РЫБАКЪ.
ИЗОРА, жена графа.
АЛИСА, ея придворная дама.
РЫЦАРИ, ВАССАЛЫ, ГОСТИ, ПРИДВОРНЫЯ ДАМЫ, ПОВАРЯТА И ПРОЧАЯ ЧЕЛЯДЬ, КРЕСТЬЯНСКІЯ ДѢВУШКИ, МЕНЕСТРЕЛИ И ЖОНГЛЕРЫ.

Дѣйствіе происходитъ въ началѣ XIII столѣтія; первое, третье и четвертое—въ Лангедокѣ; второе—въ Бретани.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Дворъ замка. Сумерки.

Бертранъ (глухо поетъ).

«Всюду бѣда и утраты,
Что тебя ждетъ впереди?
Ставь же свой парусъ косматый,
Мѣть свои крѣпкія латы
Знакомъ креста на груди».

Странная пѣсня о морѣ
И о крестѣ, горящемъ надъ вьюгой...
Смысла ея не постигнетъ
Рыцаря разумъ простой.
Голосъ мой глухъ и безсиленъ
Темный напѣвъ передать.
Всюду со мной неудача!
Пѣсни любимой Изоры
Я не могу повторить...

Яблони старый стволъ,
Распатанный бурей февральской!

Жадно ждешь ты весны...
Теплый вѣтеръ дохнетъ, и нѣжной травою
Зазеленѣетъ замковый валъ...
Чѣмъ ты, старый, отвѣтишь тогда
Ручьямъ и птицамъ пѣвучимъ?
Лишь двѣ-три блѣднорозовыхъ вѣтви
протянешь
Въ воздухъ, омытый дождями,
Черный, бурей измученный стволъ!

Такъ и ты, несчастный Бертранъ,
Уродъ, осмѣянный всѣми!—
Начнутся пиры и турниры,
Зазвенитъ охотничій рогъ,
Вновь взволнуетъ ей сердце жонглеръ
Непонятною пѣснью о морѣ...
Чѣмъ ты, старый, отвѣтишь веснѣ?
Лишь волненьемъ любви безнадежной?

О, любовь, тяжела ты, какъ щитъ!
Одно страданье несешь ты,
Радости нѣтъ въ тебѣ никакой!
Что-жъ пророчитъ странная пѣсня?
«Сердцу законъ непреложный—
Радость—Страданье одно!»
Какъ можетъ страданье радостью быть?
«Радость, о, Радость-Страданье,
Боль неизвѣданныхъ ранъ»...

Алиса (въ окнѣ).

Кто здѣсь поетъ и бормочетъ?

Бертранъ.

Сторожъ замка.

Алиса.

Ахъ, это вы, Рыцарь-Несчастіе! Прошу васъ, отойдите отъ окна. Моя госпожа нездорова, ее разстраиваетъ ваше пѣнье.

Бертранъ.

Я отойду.

СЦЕНА II.

Переходъ въ замкѣ.

Алиса.

Святой отецъ, какъ вы меня перепугали!

Капелланъ.

Я не хотѣлъ васъ пугать, прекрасная дама.

Алиса.

Вы, вѣрно, ждете графа?

Капелланъ.

Нѣтъ, не графа.

Алиса.

Или, чтобы пажъ передалъ графинѣ...

Капелланъ.

И не графъ, и не графиня, и не пажъ... вы не очень проницательны, моя красавица...

Алиса.

Святой отецъ, я теряюсь въ догадкахъ...

Капелланъ (обнимая ее).

Дѣло проще, чѣмъ вы думаете, дорогая Алиса.

Алиса.

Вашъ санъ, вашъ возрастъ...

Капелланъ.

Ну, это я самъ знаю, плутовка... ты не откажешься отъ маленькаго подарка...

Алиса.

Кто-то идетъ сюда... оставьте меня, я буду кричать!

Капелланъ (убѣгая).

Святой Іаковъ! Хорошо же, я вамъ это припомню...

Алискáнъ.

Кто здѣсь шепчется въ темнотѣ?

Алиса.

Это я... прекрасный пажъ... мнѣ страшно... мнѣ почудилось, что здѣсь кто-то есть...

Алискапъ.

Безъ сомнѣнія, Алиса. Сейчасъ въ эту дверь шмыгнуло его преподобіе.

Алиса.

Гадкій старикашка!

Алискапъ.

Что онъ вамъ сдѣлалъ?

Алиса.

Онъ покушался на мою честь... ахъ, Алискапъ, я теряю сознаніе... я падаю... поддержите мнѣ...

Алискапъ.

Что жъ я могу сдѣлать? Жалуйтесь графу.

Алиса.

И вы не поможете мнѣ, прекрасный пажъ?

Алискапъ.

Я не понимаю даже, о чемъ вы говорите, придворная дама.—Проводите меня къ вашей госпожѣ. Она жаждетъ звуковъ моей лютни.

СЦЕНА III.

Покои Изоры.

Изора (напѣваетъ).

«Кружится снѣгъ...
Мчится мгновенный вѣкъ...
Снится блаженный брегъ...»

Не помню дальше... странная пѣсня! «Радость-Страданье... сердцу законъ непреложный...» Помоги вспомнить, Алиса!

Алиса.

Чѣмъ я могу вамъ помочь, госпожа, если даже докторъ не помогаетъ.

Докторъ.

Всѣ средства испробованы, но не принесли облегченія больной. Тѣмъ не менѣе, я продолжаю утверждать, вслѣдъ за Галленомъ и Гиппократомъ, что болѣзнь называется меланхоліей...

Изора.

Оставь меня, докторъ, ты все равно ничего не поймешь...

Докторъ уходитъ.

«Сердцу законъ непреложный...» любить и ждать... «Радость-Страданье...» да, и страданье—радость съ милымъ!.. Не такъ ли, Алиса?

Алиса (Взглядывая на Алискана).

Да, госпожа, мнѣ тоже кажется, что такъ.

Изора.

Тоска, тоска, Алиса!—Дай сюда шахматы!—Пажъ, пѣсню!

Алисканъ.

Спѣть вамъ сегодня пѣсню, которую поютъ при Аррасскомъ дворѣ?

Изора.

Пой, что хочешь.

Алисканъ (поетъ).

«День веселый, часъ блаженный,
Нѣжная весна.
Стукнулъ перстень драгоцѣнный
Въ переплетъ окна.
Надъ долиной благовонной
Томный запахъ розъ...
Соловей тебѣ влюбленный
Счастіе принесъ...
Аэлисъ, о, роза, внемли,
Внемли соловью...
Всѣ отдамъ Святыя Земли
За любовь твою...»

Алиса.

Вашъ ходъ, госпожа моя.

Изора (играетъ королевой).

Ахъ!

Алиса.

Опять задумались вы?
Томной пѣсни звуки такъ сладки...

Изора.

Какая пѣсня?

Алискапъ.

Еслибъ зналъ я причину печали...

Изора.

Я не знаю сама.

Алискапъ.

Правда, не прежняя вы...
Что простой соловей для розы изъ розъ!..

Изора.

Какъ сказать ты умѣешь красно!
Вѣрно, фея тебя научила
Объясняться въ любви!

Алискань.

Вы опять надо мной смѣетесь...
Развѣ зналъ я фей, кромѣ васъ?

Изора.

Что мнѣ въ льстивыхъ рѣчахъ?
Развѣ яркая бабочка я?
Горекъ мнѣ медъ твоихъ словъ!

Алиса.

Шахъ королевѣ и королю!

Изора.

Слава Богу!
Довольно скучать надъ игрой! —
Чѣмъ мнѣ, мой пажъ чернокудрый,
Горю помочь твоему?

Алискань.

Вспомните прежнія игры!
Вспомните: только весной
Мы на полянѣ зеленой
Въ пляскахъ безпечныхъ
Коротали легкую жизнь...

Изора.

Пажъ, не забудь: я—твоя госпожа!

Алиса.

Она больна, Ѧлискань.

Изора (напѣваетъ).

«Сердцу законъ непреложный...
Радость-Страданье...»

Алискань.

Вы пѣсню твердите,
Которую пѣлъ кривляка наемный.

Изора.

Пусть!—пѣсню онъ пѣлъ не свою...

Алискань.

Какой-нибудь жалкій рыбакъ
Изъ чужой и дикой Бретани
Непонятную пѣсню сложилъ...

Изора.

Пажъ, ты ревнуешь?—
Успокойся... его я не знаю...—
Ахъ... кто знаетъ? вернется пора,
Можетъ быть, на зеленой полянѣ
Къ намъ вернется прежняя радость...
Нѣтъ...! Теперь—все постыло и дико...
Жизнь такая не явь и не сонъ!

Уходитъ.

Алисканъ.

Она положительно сходитъ съ ума...

Алиса.

Я думаю, это уже случилось... предпочесть вамъ... кого же?...

Алисканъ.

И намъ придется проскучать всю зиму...

Алиса.

Вамъ грустно, прекрасный пажъ?

Алисканъ.

Она не придетъ сюда?

Алиса.

Нѣтъ, въ этотъ часъ, вы знаете, она всегда мечтаетъ... и видитъ сны... Въ этотъ часъ никто не придетъ сюда.

Обнимаетъ Алискана.

СЦЕНА IV.

Покои Графа.

Графъ.

Клянусь святымъ Іаковомъ Кампостельскимъ, они приводятъ меня въ бѣшенство! Ты знаешь, Оттонъ чуть дышитъ!

Капелланъ.

Ваша милость, ума не приложу, о чемъ вы волнуетесь. Пошлите новый отрядъ рыцарей, и непокорные вилланы будутъ уничтожены.

Графъ.

Давно ли бѣднягу Клари до полусмерти исколотили дубьемъ?

Капелланъ.

У васъ есть вассалы получше Оттона и Клари. Къ тому же, говорятъ, графъ Симонъ Монфоръ уже идетъ изъ Парижа помочь намъ сломить еретиковъ...

Графъ.

Когда еще дойдетъ Монфоръ!..
Позвать Бертрана!—

Входитъ Бертранъ.

Ну, какія вѣсти?

Бертранъ.

Плохія, ваша свѣтлость. Графъ Раймундъ
Въ Тулузѣ войско снарядилъ...

Графъ.

Убійца!

Капелланъ.

И грѣховодникъ, къ тому же: пять
женъ—и ни одного законнаго сына...

Бертранъ.

Подъ знамя ихъ всталъ Монсегюръ...

Графъ.

Сосѣдъ мой!

Бертранъ.

Епископу ихъ новому присягу
Принесъ онъ, а имѣнье роздалъ нищимъ...

Графъ.

Мошенникъ!—Вотъ, кто оскорбилъ Клари!

Бертранъ.

Не думаю. Враги намъ эти люди,
Но все же чтутъ Евангелье они
И рыцарей чужихъ не убиваютъ
Исподтишка...

Графъ.

Одна все это шайка!
И мужичье съ дубьемъ, и сюзерены,
Забывшіе и Господа, и папу,
И ихъ вассалы-оборванцы...

Бертранъ.

Но...

Графъ.

Молчи! Ты самъ, пожалуй, той же масти,
Какъ всѣ вы, неудачники и трусы,
Которыхъ выбиваютъ изъ сѣдла
На первомъ же турнирѣ...

Бертранъ.

Ваша свѣтлость,
Монфоръ, сказали мнѣ, теперь въ Ліонѣ...

Графъ.

Ты думаешь, намъ этого довольно?

Бертранъ.

Вы знаете, всегда готовъ служить я
И госпожѣ моей, и вамъ...

Графъ.

Что-жъ, Рыцарь-
Несчастіе! Хоть разъ намъ докажи,
Что рыцарь, а не трусъ ты!—Нынче ночью
Узнать ты ѣдешь, близко ли теперь
Симона доблестное войско!

Бертранъ.

Ѣду.

Графъ.

Да приноси, смотри, получше вѣсти.
И не накаркивай намъ новыхъ бѣдъ.—Ступай!

Бертранъ уходитъ.

Капелланъ.

Что вѣрно, то вѣрно! Это не рыцарь, а ворона въ рыцарскихъ перьяхъ...

Графъ.

Почтенный духовникъ, у меня голова идетъ кругомъ...

Капелланъ.

Э, не безпокойтесь, ваша милость. Съ дьяволовыми ткачами мы сладимъ. Обратите лучше вниманіе на то, что дѣлается въ замкѣ...

Графъ.

Измѣна?

Капелланъ.

Нѣтъ... но...

Графъ.

Говори!

Капелланъ.

Isora, coniunx vestra, aliquantulum male sobria est.

Графъ.

Ничего не понимаю! Говори по-человѣчески!

Капелланъ.

Супруга вашей милости...

Графъ.

Моя жена!

Капелланъ.

На столѣ у ея постели лежитъ романъ о Флорѣ...

Графъ.

Что же изъ этого?

Капелланъ.

И о Бланшефлёрѣ... вмѣсто молитвенника. А вы знаете, что романы сочиняютъ враги Святой Церкви?

Графъ.

Крамольники!

Капелланъ.

Ну, да. Самозваннаго папу чтутъ люди, которые бьютъ вашихъ рыцарей. А людей, которые бьютъ рыцарей, хвалятъ сочинители романовъ...

Графъ.

Я говорилъ, что это все—одна шайка!

Капелланъ.

И всему этому учитъ вашу супругу ея придворная дама...

Графъ.

Проклятіе! Если бы я зналъ это прежде!

Капелланъ.

Спокойствіе, ваша милость. Она идетъ сюда. Разспросите ее, не показывая вида, будто что-нибудь знаете.

Входитъ Алиса

Алиса.

Ваша свѣтлость, госпожа моя больна...

Графъ.

Вотъ какъ! Давно ли?

Алиса.

Сегодня съ утра она не принимаетъ пищи...

Капелланъ.

Слышите, ваша милость...

Графъ.

Вы звали доктора?

Алиса.

Докторъ сказалъ, что болѣзнь происходитъ отъ меланхоліи; а тамъ, гдѣ избытокъ меланхоліи, тѣло испорчено, и легко лишиться разсудка...

Графъ.

Помоги намъ, Святой Іаковъ!

Алиса.

Госпожа сильно скучаетъ днемъ, а по ночамъ мечется, кусаетъ подушки и твердитъ чье-то имя...

Графъ.

Чье имя?

Алиса.

Я не могла разслышать .. кажется, она бормочетъ: «Странникъ».

Графъ.

«Странникъ»?

Алиса.

Такъ зовутъ рыцаря... сочинителя пѣсни...

Капелланъ.

Вотъ видите, ваша милость: романъ родитъ пѣсню, пѣсня родитъ рыцаря, а рыцарь родитъ...

Алиса.

Госпожа не можетъ забыть пѣсни съ тѣхъ поръ, какъ у насъ пѣли жонглеры...

Графъ.

О чемъ тамъ поется?

Капелланъ.

Это извѣстно заранѣе: о соловьѣ и о розѣ.

Алиса.

Нѣтъ, о розѣ и о соловьѣ тамъ нѣтъ ни слова. Я совсѣмъ не понимаю пѣсни, хотя госпожа не разъ повторяла ее.

Графъ.

Въ такомъ случаѣ, можетъ-быть, она сошла съ ума!

Алиса.

Мнѣ самой приходило это на умъ, ваша свѣтлость.

Графъ.

Измѣнники! Позвать сюда доктора!

Входитъ докторъ.

Что съ моей женой?

Докторъ.

Melancholia regnat...

Графъ.

Тысяча проклятій! Они всѣ говорятъ по-латыни, когда дѣло касается моей жены!

Докторъ.

Ваша милость, супруга ваша подвержена меланхолій, которая холодна, суха и горька. Царство меланхоліи длится отъ августовскихъ до февральскихъ идъ...

Графъ.

Святой Іаковъ! Да вѣдь февраль уже на дворѣ!

Докторъ.

Ничего не подѣлаешь, придется еще подождать, ваша милость. Скоро начнетъ прибывать кровь; а когда крови накопится слишкомъ много, мы выпустимъ ее черезъ носъ, какъ учатъ древніе мудрецы Галленъ и Гиппократъ...

Капелланъ.

Здѣсь скрывается иносказаніе...

Графъ.

Святой Іаковъ, я самъ лишаюсь разсудка! Святой отецъ, что теперь дѣлать?

Капелланъ.

Положитесь на меня, ваша милость, я дамъ добрый совѣтъ...

Докторъ.

Idem—melancholia regnat...

Графъ.

Докторъ, ты дождешься висѣлицы!

СЦЕНА V.

Покои Изоры.

Алиса.

Госпожа, будьте осторожнѣй, ради Бога. Графъ встревоженъ; онъ, кажется, догадывается, за нами подсматриваютъ. Ваша болѣзнь—зимняя скука, неболѣе.

Изора.

Нѣтъ, въ сердцѣ моемъ—весна.
Но за семнадцатой этой весной
Въ сердце повѣялъ мнѣ холодъ сырой,
Точно туманомъ дохнулъ
Яблони стволъ за окномъ...
Видишь, старыя, черныя вѣтви
Въ небѣ дождливомъ, какъ крестъ...
Сердце, какъ яблоня, плачетъ...
«Радость-Страданье...
Сердцу законъ непреложный»...

Алиса.

Все это вамъ набормоталъ Рыцарь-Несчастье. Повѣрьте, весна возвратитъ вамъ здоровье и радость...

Изора.

Слушай, Алиса!
Нынѣшней ночью
Странный приснился мнѣ сонъ...
Будто, сплю я въ лунномъ лучѣ
И слышу, какъ плещется море,
И запахомъ смолъ незнакомыхъ
Воздухъ кругомъ напоенъ...
Внезапно, изъ-подъ земли,
Словно изъ темнаго гроба,
Всталъ предо мною невѣдомый рыцарь...
Кудри, свѣтлѣе льна,
Разсыпались по плечамъ...
Сердце такъ бьется, такъ бьется...

И, упавъ на колѣни, въ восторгѣ
Я вскричала: — Невѣдомый гость!
— Имя свое назови!...
Онъ безотвѣтенъ...
Прикоснуться къ нему не смѣю,
Но странно и сладко молиться ему!
И черная роза—чернье крови—
Горитъ на свѣтлой груди...
— Странникъ! Странникъ! вскрикнула я...
Слышу странный звонъ, вижу свѣтъ,
И очнулась въ слезахъ...
А въ ушахъ—тотъ самый напѣвъ,
Но иначе, чѣмъ пѣлъ жонглеръ...
Видѣла ты, что подушку мою
Я зубами рвала!
И рубашку рвала на плечѣ!
Слышишь ты, какъ сердце стучитъ...
И въ ушахъ—этотъ вѣчный напѣвъ:
«Радость-Страданье...»
Нѣтъ, не могу повторить!...

Алиса.

Тише, во имя всѣхъ святыхъ! Здѣсь кто-то есть...

Капелланъ (открывая дверь).

Такъ вотъ какіе сны вамъ снятся! Все передамъ графу! Вамъ хватитъ времени на чтеніе романовъ въ Круглой Башнѣ!

Уходитъ.

Изора.

Что онъ сказалъ?

Алиса.

Онъ грозилъ заточеньемъ...

Изора.

Святой Видіанъ! Что дѣлать теперь?

Алиса.

Не знаю... ждать... покориться...

Изора.

Проклятіе! — Я разорву имъ сердце! — Недаромъ въ сердцѣ матери моей течетъ испанская кровь!

Алиса.

Госпожа, тише... кто-то подъ окномъ...

Изора (смотритъ въ окно).

Бертранъ!... — Рыцарь! Войдите! Осторожнѣй!

Алиса (плачетъ).

Чему поможетъ этотъ уродъ... несчастныя мы...

Бертранъ (входитъ).

Госпожа, чѣмъ могу вамъ служить?

Изора (вкрадчиво).

Вы исполнить могли бы
Порученье, рыцарь, мое?

Бертранъ (удивленный).

Госпожа, все, что въ силахъ моихъ...
Приказанья жду я, не просьбы...
Но смогу ли?
Графъ на сѣверъ послалъ меня...

Изора.

На сѣверъ!

Бертранъ.

Да. Сегодня въ ночь.

Изора.

О!... Рыцарь! Вы преданы мнѣ?

Бертранъ.

Напрасный вопросъ...

Изора.

Время не терпитъ!
Мнѣ заточенье грозитъ...

Бертранъ.

Не терзайте сердца
Признаньемъ жестокимъ...

Изора.

Вы—сторожъ зàмка.
Знаете круглую башню?

Бертранъ.

Знаю давно.
„Башней Вдовы Неутѣшной“ зовется она...

Изора.

Есть тамъ ходъ потайной?

Бертранъ.

Есть! Въ углу, прикрытый плитой...
Для вылазки былъ онъ когда-то пробитъ...

Изора.

Дальше!
Дорогъ мнѣ каждый мигъ!
Есть рыцарь... есть пѣсня...
Пѣсня мнѣ спать не даетъ...

Бертранъ.

Госпожа, я знаю ту пѣсню!

Изора.

Знаете вы!—
Вы должны мнѣ пѣвца отыскать,

Хотя бы пришлось
Всѣ страны снѣговъ и тумановъ пройти!
«Странникъ» — имя ему...
Черною розой отмѣчена грудь...
Такъ открылось мнѣ въ вѣщемъ снѣ!

Бертранъ.

Госпожа! Порученье ваше
Похоже на дѣтскую сказку...
Но — недаромъ жизнь сурова со мной:
Знаю, въ дѣтскихъ снахъ
Больше правды, чѣмъ думаютъ люди!
Погибну, или исполню:
Странникъ будетъ у васъ!

Изора.

Клянитесь теперь молчанье хранить
Обо всемъ, что сказано здѣсь!

Бертранъ.

Чѣмъ клясться?..
Надо ли клятвъ?...
Я клялся бы розой,
Вы — краше всѣхъ розъ...

Изора (удивленная).

О! И вы учились учтивымъ словамъ? —
Нѣтъ, большимъ клянитесь!

Бертранъ.

Большихъ клятвъ не смѣетъ
Бѣдный рыцарь давать...

Изора (жестоко).

Клянитесь, клянитесь!

Бертранъ.

Клянусь, что живымъ не вернусь,
Если Рыцаря я не найду!...
Вѣчной вѣрностью Дамѣ клянусь!

Изора (съ любопытствомъ).

Рыцарь, кто ваша дама?

Бертранъ.

Имя не смѣю сказать...

Изора.

Я приказать вамъ могу...

Бертранъ.

Отпустите въ далекій путь...

Изора (лукаво).

Нѣтъ, нѣтъ... только имя одно...

Бертранъ преклоняетъ колѣно.

Встань, Бертранъ, мой вѣрный вассалъ!
Теперь — я вѣрю тебѣ.

Отходитъ отъ него.

О, какъ сильна и прекрасна любовь!
Даже этой породѣ,
Низкой, смѣшной и ничтожной,
Рыцаря вѣрность дастъ...

Бертранъ (про себя).

Ну, уродъ несчастный!
Ступай, не жди, не надѣйся.
Страсти чужой послужи.

Входитъ Графъ, грохоча ржавымъ ключомъ.

Графъ.

Ни слова, измѣнница! Я знаю все!

Бертрану.

Зачѣмъ ты здѣсь?

Алиса.

Ваша свѣтлость, онъ самъ ворвался сюда!...

Графъ.

Негодяй! Я убилъ бы тебя на мѣстѣ, еслибъ ты не былъ такъ жалокъ! Уродъ! Собака! — Какой прекрасный вкусъ для придворной дамы!...

Алиса.

Ваша свѣтлость...

Графъ.

Молчите! Низкая тварь! Вотъ чѣмъ занимаетесь вы, вмѣсто того, чтобы слѣдить за нею! Вы раздѣлите участь вашей госпожи!

Изоръ:

Или вы хотите вернуться въ свои Толозанскія Муки? За всѣ заботы вы платите мнѣ золотомъ Тулузы!

Изора.

Мой повелитель, я послушна вамъ.

Графъ.

Вы поняли, что спорить со мной безполезно! Сейчасъ, не медля, — въ Башню Неутѣшной Вдовы! И, да поможетъ вамъ исправиться Святой Іаковъ Кампостельскій!— Ступайте!

Изора и Алиса уходятъ.

А ты, несчастный уродъ, умѣешь только каркать, какъ ворона, и приставать къ придворнымъ дамамъ! Ты забылъ, можетъ быть, мое порученье!

Бертранъ.

Я ѣду, какъ вы сказали, сегодня въ ночь.

Графъ.

Все узнай? Я буду ждать мѣсяцъ, два мѣсяца! Если вѣсти твои будутъ такъ же плохи,—не сносить тебѣ головы! Если же ты привезешь мнѣ доброе о графѣ Монфорѣ,—я прощу тебя, Рыцарь-Несчастье!

Уходитъ вслѣдъ Изорѣ.

Бертранъ.

Прекрасная обманщица!
Пускай умру, я долженъ ей помочь.
Что бъ ни было—впередъ!—На сѣверъ, въ ночь!

Уходитъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Берегъ океана.

Бертранъ (на конѣ).

**Куда я заѣхалъ? Снѣгъ слѣпитъ глаза,
вѣтеръ свиститъ въ уши! Безумецъ! Все
равно—впередъ, усталый конь!**

Скрывается за камнемъ.

Гаэтанъ (поетъ).

**«Не вѣрь безумію любви!
За радостью—страданье!
За радостью—страданье!»**

Рыбакъ (поетъ).

**«Не спи, король, не спи, Граллонъ,
Твой городъ въ воду погружонъ!**

Кэръ-Исъ лежитъ на днѣ морей,
Проклятье дочери твоей!»

Гаэтанъ.

«Проклятье дочери твоей!»
Эй, рыбакъ!

Рыбакъ.

Съ нами крестная сила! За снѣгомъ ничего не разобрать! Былъ рыцарь, теперь— ты! Я думалъ, это мой голосъ раздается въ скалахъ. Или ты призракъ?

Гаэтанъ.

Ты кричишь на меня, однако поешь мою-пѣсню.

Рыбакъ.

Какую твою пѣсню? Сумасшедшій ты, что ли? Эту пѣсню поютъ и въ Плугасну, и въ Плуэзекѣ, и у насъ, въ Плугерно.

Гаэтанъ.

А гдѣ былъ городъ Кэръ-Исъ?

Рыбакъ.

Да, говорятъ, здѣсь неподалеку. Видишь ту кучу камней на берегу?

Гаэтанъ.

Вижу. Впереди—левъ, потомъ—конь...

Рыбакъ.

Никакого тамъ нѣтъ коня, а просто—камни, и въ камняхъ—заводь. Туда лѣтомъ заплываютъ самые жирные крабы. Вотъ тамъ, говорятъ, и ходитъ каждый сочельникъ святой Гвеннолэ.—А тебя откуда Богъ несетъ?

Гаэтанъ.

Я—изъ Трауменека.

Рыбакъ.

Трауменека?—Не слыхалъ что-то.

Гаэтанъ.

Вѣдь здѣсь недалеко Абервракъ?

Рыбакъ.

Ну, да, монастырь...

Гаэтанъ.

Такъ мимо монастырскаго сада—къ колодцу, отъ колодца—въ гору, до первыхъ домовъ Ландеда...

Рыбакъ.

Кто же не знаетъ Ландеда! Мы всѣ туда на праздникъ ходимъ...

Гаэтанъ.

Поверни, не доходя до церкви, налѣво, полемъ, тамъ скоро и будетъ Трауменекъ.

Рыбакъ.

Этотъ замокъ называется—Трауменекъ?

Гаэтанъ.

Ну, разумѣется, да.

Рыбакъ.

Такъ это—Трауменекъ... И чудакъ же, должно быть, тамошній сеньёръ!

Гаэтанъ.

Почему ты думаешь?

Рыбакъ.

Не я одинъ, всѣ такъ; онъ, говорятъ, самъ пасетъ свое стадо; а стадо у него, всего-на-всего, три пѣтуха. Живетъ бѣдно, должно быть скупой. Другіе рыцари пиру-

ютъ и дерутся на турнирахъ, а этотъ, знай, бродитъ, да разсказываетъ сказки... А ты чѣмъ тамъ занимаешься?

Гаэтанъ.

Признаться, рыбакъ, вѣдь это я и есть сеньёръ Трауменека.

Рыбакъ.

Съ нами крестная сила! Не подумайте, сеньёръ, что я—въ насмѣшку, мало ли чего у насъ...

Гаэтанъ.

Это правда, рыбакъ. У меня—крестъ на груди, а крестъ дается не для забавы...

Рыбакъ.

Крестъ на груди, а я-то и не разобралъ сразу... Конечно, господинъ, для богатыхъ людей законъ не писанъ...

Бертранъ (возвращается).

Опять тотъ же камень!—Кто тамъ? Эй, бродяга!

Гаэтанъ.

Не кричи зря на людей. Самъ ты кто?

Бертранъ.

Рыцарь.

Гаэтанъ.

А я—сеньёръ.

Бертранъ.

Ты что-то не похожъ на сеньёра.

Гаэтанъ.

Я докажу тебѣ, что это правда! Берись за мечъ!

Сражаются.

Рыбакъ (убѣгая).

Спаси, Господи! Эти рыцари вѣчно дерутся!

Бертранъ.

Плохо ты бьешься, сеньёръ! Проси пощады, или я отрублю тебѣ голову!

Гаэтанъ (снимая шлемъ).

Прошу пощады. Ты видишь, я старъ.

Бертранъ.

Не стоило мнѣ тушить свой мечъ, старикъ!—Обѣщай исполнить то, о чемъ я тебя попрошу.

Гаэтанъ.

Ты правишься мнѣ, и я исполню, что ты попросишь. Не откажись отдохнуть у меня въ Трауменекѣ.

Бертранъ.

Спасибо. Я не усталъ, но конь мой усталъ отъ долгаго пути.

СЦЕНА II.

Дворъ Трауменека.

Гаэтанъ.

...И старый король уснулъ...
Тогда коварная дочь,
Укравъ потихоньку ключи,
Открыла любовнику дверь...
Но дверь въ плотинѣ была,
Хлынулъ въ нее океанъ...
Такъ утонулъ Кэръ-Исъ,
И старый король погибъ...

Бертранъ.

Гдѣ же былъ этотъ городъ Кэръ-Исъ?

Гаэтанъ.

Вонъ тамъ, въ этихъ черныхъ камняхъ...
Слушай дальше: проклятіе ей!

За то же святой Гвеннолэ
Превратилъ ее въ фею морскую...
И, когда шумитъ океанъ,
Влажнымъ гребнемъ чешетъ злая Моргана
Золото блѣдныхъ кудрей...
Она поетъ, но голосъ ея
Печаленъ, какъ плескъ волны...

Бертранъ.

Странный ты человѣкъ!
О сиренахъ, о короляхъ,
О городахъ подводныхъ
Много ты мнѣ разсказалъ!
Но не знаю, кто же ты самъ?
Не думалъ я, когда бился съ тобой,
Что подъ шлемомъ твоимъ
Серебрятся кудри сѣдыя.
Правда, ты слабъ,
Но, какъ мальчикъ дерзкій, ты бьешься,
Правда, бѣла у тебя голова,
Но звончѣе рога твой голосъ,
Какъ у юноши, взоръ твой горитъ!

Гаэтанъ.

Не думалъ и я, что въ твоихъ волосахъ
Такъ много прядей сѣдыхъ!
Вѣрно, ты жизнью обиженъ?
Но, хоть голосъ твой
Глухъ и печаленъ,
Ликъ твой, добрый мой гость,
Несказанно нравится мнѣ!

Бертранъ.

Спасибо за ласку!
Да, правда, нужда и горе
Въ жизни достались мнѣ.
Тѣмъ нѣжнѣе сердца коснулось
Доброе слово твое.
Я—Бертранъ изъ Тулузы.
Ни о чемъ не напомнитъ тебѣ
Это темное имя.
Ты же, вѣрно, богатъ былъ и знатенъ?
По рѣчамъ и осанкѣ—ты рыцарь...
Вѣрно, Гробъ защищалъ ты Господень?
Выцвѣлъ крестъ на груди у тебя...

Гаэтанъ.

Нѣтъ, я тоже рыцарь безвѣстный
И не плавалъ я въ Землю Святую,
Хоть похожъ на странника я...
Что ты смотришь такъ пристально, другъ?

Бертранъ.

Назови мнѣ имя твое.

Гаэтанъ.

Гаэтаномъ зовусь я.
Изъ Арморики милой я родомъ...
Видишь, вотъ—всѣ владѣнья мои:
Чуть заря, у меня въ Трауменекѣ
Начинаютъ пѣть пѣтухи...

И другіе—тамъ, за холмами,
И еще, и еще... и послѣднимъ
Запоетъ монастырскій пѣтухъ...
А я, пробудясь съ пѣтухами,
Слышу, какъ сквозь туманъ родимый
Сѣетъ прохладный дождь,
И шумный зоветъ океанъ...
Снова дрогнули брови твои!...

Бертранъ.

Чуднымъ словамъ твоимъ внемля,
Вспомнилъ я дѣло одно...
Что же сеньёръ Трауменека,
Давай, разскажемъ другъ другу
О жизни нашей... Союзъ,
Заключенный въ звонъ мечей,
Словомъ мы крѣпче скрѣпимъ!

Гаэтанъ.

Больше, чѣмъ другомъ,
Братомъ твоимъ
Назваться хочу!
Начинай ты первымъ разсказъ!

Бертранъ.

Гаэтанъ, печальна
Будетъ повѣсть моя.
Сыномъ простого ткача изъ Тулузы,
Съ малыхъ лѣтъ я на службу попалъ.

И за долгую службу въ замкѣ
Графъ меня опоясалъ мечомъ...
Однажды, во время турнира,
Подлымъ ударомъ плохого бойца
Выбитъ я былъ изъ сѣдла...
Великанъ неуклюжій съ дельфиномъ въ гербѣ
Наступилъ мнѣ ногою на грудь...
Но махнула платкомъ госпожа —
И пощадили меня...
О, какъ горѣлъ я стыдомъ и гнѣвомъ!
Какъ умолялъ я мнѣ сердце пронзить!
Но жизнь оставили подлые мнѣ...

Гаэтанъ.

Низкое время!
Рыцарей лучшихъ не цѣнятъ!

Бертранъ.

Никто съ той поры не даетъ мнѣ проходу,
Всѣ мнѣ смѣются въ лицо...
И она смѣется, я знаю,
Въ своемъ высокомъ окнѣ...
Но привѣтъ, или тѣнь привѣта,
Видѣлъ я отъ нея одной...
Какъ травка отъ розы, далекъ отъ нея я...
Да и можетъ ли рыцаря умъ
Проникнуть въ тайну женской души!

Гаэтанъ.

Печаленъ, братъ, твой разсказъ...
Глупые, злые люди!...

Самъ я сейчасъ испыталъ
Пламень ударовъ твоихъ!—
Какъ заѣхалъ ты къ намъ, скажи...

Бертранъ.

Два порученья есть у меня:
Долженъ узнать я, скоро-ль Монфоръ
Намъ поможетъ возстанье смирить...

Гаэтанъ.

И у насъ говорятъ о Монфорѣ,
Но, если-бъ они и позвали меня,
Я подъ ихъ орифламму не встану...

Бертранъ.

Братъ, значитъ ты вѣришь,
Что въ жилахъ у насъ
Одна—святая французская кровь?..
Жестокій Монфоръ тѣмъ самымъ мечомъ,
Которымъ невѣрныхъ рубилъ,
Братскую кровь проливаетъ...
Подъ чье же ты знамя пойдешь?

Гаэтанъ.

Знамени нѣтъ для меня.
Я останусь одинъ.

Бертранъ.

Тебѣ легко говорить,
А я, вѣдь на службѣ... Что я могу,

Пышнаго замка сторожъ несчастный!
Лишь самъ не участвую я
Въ охотахъ на нищихъ крестьянъ...

Гаэтанъ.

Ты долженъ покинуть тотъ край!

Бертранъ.

Покинуть! Нѣтъ, ты не понялъ меня!
Я, какъ ты, не вѣрю въ новый походъ,
Мечъ Монфора—не въ Божьей рукѣ...
Но развѣ могу измѣнить,
Чему всю жизнь я служилъ?
Измѣна—даже неправдѣ —
Все измѣной зовется она!
Я тамъ умру, гдѣ сердце осталось!
Недаромъ «Несчастьемъ» прозвали меня!

Гаэтанъ.

Службой связанъ ты, бѣдный?
Тяжки, должно быть,
Цѣпи земныя...
Я ихъ не носилъ никогда...
Такъ же ли трудно другое твое порученье?

Бертранъ.

Пусть напрасно заѣхалъ я въ ваши туманы,
Съ Толозанской дороги свернувъ!—

Рыцаря долгъ
Тайну Дамы свято хранить.
Я не отвѣчу тебѣ.

Гаэтанъ.

Непонятны мнѣ рѣчи твои...

Бертранъ.

Нетерпѣньемъ горю я
Выслушать повѣсть твою!
Странное чувство
Твой взоръ и твой голосъ
Рождаютъ во мнѣ!
Не вѣрю въ предчувствія я,
Но сдается,
Что посланъ ты мнѣ
Въ награду за долгій путь!

Гаэтанъ.

Слушай!—Я старъ,
И жизнь одинока моя,
Но трижды прекрасна жизнь!

Бертранъ.

И трижды превратна она!

Гаэтанъ.

Возлѣ синяго озера юная мать
Вечеромъ позднимъ, въ туманѣ,

Отошла отъ моей колыбели...
Фея—младенца меня
Унесла въ свой чертогъ озерной
И въ туманномъ плѣну воспитала...
И вѣнкомъ изъ розовыхъ розъ
Украсила кудри мои...

Бертранъ.

Ты мнѣ сказки опять говоришь...

Гаэтанъ.

Развѣ въ сказкѣ не можетъ быть правды?

Бертранъ.

Да, правда въ сказкахъ бываетъ подчасъ...
Прости, мой разумъ бѣденъ и простъ...
Вѣрно, есть въ твоихъ странныхъ рѣчахъ
Скрытый, неясный мнѣ смыслъ...
Дальше, прошу тебя...

Гаэтанъ.

Слушай дальше!
Рыцаремъ стать я хотѣлъ...
Фея долго въ объятьяхъ сжимала меня
И, покрывъ волосами, плакала долго...
Не знаю, о чемъ
Гадала надъ прялкой своей...
И сказала: «Иди теперь
Въ міръ дождливый,

Въ міръ туманный...
Туда пряжа Парки ведетъ»...

Бертранъ (вслушиваясь).

Куда пряжа Парки ведетъ?

Гаэтанъ.

И еще сказала она:
«Міра восторгъ безпредѣльный
Въ сердце твое я вложу!
Пѣснямъ внимай океана,
Въ алыя зори глядись!
Людямъ будешь ты зовомъ безцѣльнымъ!
Быть можетъ, тронешь ты
Сердце дѣвы земной,
Но никѣмъ не тронется
Сердце твое...
Оно—во власти моей...
Странникомъ въ мірѣ ты будешь!
Въ этомъ—твое назначенье,
Радость-Страданье твое!»

Бертранъ.

«Радость-Страданье»!
Что это значитъ?

Гаэтанъ.

«Сердцу—законъ непреложный»,
Такъ говорила она,

И въ слезахъ повторяла:
«Путь твой грядущій—скитанье!
Что тебя ждетъ впереди?
Мѣть свои крѣпкія латы
Знакомъ креста на груди!»
Грудь я крестомъ отмѣтилъ,
И въ міръ туманный пришелъ...

Бертранъ.

Постой!
Вѣрить сказкамъ
Я не умѣю!
Разсказъ твой на пѣсню похожъ!

Гаэтанъ.

Все ты, Бертранъ, мнѣ не вѣришь!
Да, рыбаки и жонглеры
Всюду поютъ мои пѣсни,
Пѣсни о жизни моей...

Бертранъ.

Чудно мнѣ вѣрить!
Бредъ или явь?
Свѣтлая радость
Наполнила сердце...
Ты эту пѣсню сложилъ?

Гаэтанъ.

Эту—и много другихъ!

Бертранъ.

Ты — Странникъ?

Гаэтанъ.

Такъ Фея меня назвала...

Бертранъ.

Ты мнѣ дороже сокровищъ міра!
Жизни дороже мнѣ братъ!
Тебя, тебя одного
Въ снѣжныхъ туманахъ ищу!—
Очнись, несчастный Бертранъ!
Яркій твой бредъ
Съ правдою жизни жестокой несхожъ!..

Гаэтанъ.

Если ты счастливъ,
О чемъ же ты плачешь,
Милый мой гость?

Бертранъ.

Прости, прости, меня, другъ!
Слишкомъ жизнь унижала меня,
Я и радость встрѣчаю слезами!..
Первая радость, что встрѣтилъ тебя,
Кого и въ мірѣ не думалъ найти!
Радость вторая — прости за нее —
Вижу — не юноша ты:

Лучше услышитъ пѣсню Изора,
Не смущаясь низкой мужскою красой,
Свято внемля пѣснѣ одной!

СЦЕНА III.

Берегъ океана.

Гаэтанъ и Бертранъ на коняхъ.

Гаэтанъ.

Теперь — подводный городъ недалеко.
Ты слышишь звонъ колоколовъ?

Бертанъ.

Я слышу,
Какъ море шумное поетъ.

Гаэтанъ.

А видишь,
Сѣдая риза Гвеннолэ несется
Надъ моремъ?

Бертранъ.

Вижу, какъ сѣдой туманъ
Расходится.

Гаэтанъ.

Теперь ты видишь,

Какъ розы заиграли на волнахъ?

Бертранъ.

Да. Это солнце всходитъ за туманомъ.

Гаэтанъ.

Нѣтъ! то сирены злобной чешуя!..
Моргана мчится по волнамъ... Смотри:
Надъ нею крестъ заноситъ Гвеннолэ!

Бертранъ.

Туманъ опять сгустился.

Гаэтанъ.

Слышишь, стоны?
Сирена вѣроломная поетъ...

Бертранъ.

Я слышу только волнъ печальный голосъ.
Не медли, другъ! Черезъ туманъ — впередъ!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Покои Графа.

Графъ.

Итакъ, своими видѣлъ ты глазами
Войска его святѣйшества?

Бертранъ.

Да, видѣлъ.

Графъ.

И орифламму славную Монфора?

Бертранъ.

Да. Въ красномъ полѣ—левъ изъ серебра.
Хвостъ съ четырьмя кистями. Всѣ четыре
Захвачены узломъ.

Графъ.

Святой Іаковъ,
Хвала тебѣ!

Бертранъ.

Они теперь въ Безье,
Жгутъ, избиваютъ жителей. «Всѣхъ рѣжьте!»
Сказалъ легатъ: «Господь Своихъ узнаетъ!»

Графъ.

Такъ имъ и надо! Молодцы! Теперь
Монфоръ недалеко!

Бертранъ.

На Толозанской
Дорогѣ, ваша свѣтлость.

Графъ.

Такъ, Бертранъ!
Ты хорошо исполнилъ порученье!
Проси награды! Я тебя прощаю!

Бертранъ.

Могу ли я просить не о себѣ?

Графъ.

Проси, что хочешь!

Бертранъ.

Ваша свѣтлость! Завтра
Наступитъ май. У насъ во всей округѣ

Привыкли пѣснями встрѣчать весну.
Отмѣтьте же и вы священный праздникъ...

Графъ.

Къ чему ты гнешь? Я самъ объ этомъ думалъ!

Бертранъ.

Со мной жонглеръ пріѣхалъ, ваша свѣтлость,
Онъ пѣсни новыя привезъ съ собой...

Графъ.

Да ты развеселить насъ всѣхъ задумалъ?
Послушаемъ, охотникъ я до пѣсенъ!

Бертранъ.

Освободите юную графиню,
Которая томится въ башнѣ...

Графъ.

Что? —
Ты о моей супругѣ говоришь?

Бертранъ.

Вы обѣщали...

Графъ.

Да, — и обѣщаній

Я не беру назадъ. — Съ чего тебѣ взбрело
Просить объ этомъ?

Бертранъ.

Первый день весенній,
Вы знаете, онъ первый года день.
Такъ пусть его не омрачаетъ тѣнь.

СЦЕНА II.

Кухня замка. Поварята безобразничаютъ.

Поваръ.

Онъ, говорятъ, такъ и спитъ—съ ключомъ отъ башни. Съ тѣхъ поръ никому у насъ нельзя громко слова сказать.

Докторъ.

А видѣлъ ты, что у него на головѣ?— Какъ у чорта на картинкѣ. Два мѣсяца не стригся. Когда улыбается, скалитъ зубы по-собачьи. Никому не вѣритъ, кромѣ его преподобія. А между нами говоря, святой отецъ...

Поваръ.

Потише, потише, здѣсь и у стѣнъ есть уши.—Да замолчите ли вы, сорванцы!—Ну, готово теперь, что еще?

Докторъ.

Теперь подсыпь немного ивовой коры...

Капелланъ (входитъ).

Святители, какой пирогъ! Для кого же это?

Поваръ.

Для ея свѣтлости, графини Изоры.

Капелланъ.

Постой, постой... Что ты здѣсь толчешься, докторъ?

Докторъ.

Немного salix alba... отъ меланхоліи...

Капелланъ.

Это—ядъ?

Докторъ.

Простое слабительное, ваше преподобіе...

Капелланъ.

Дай-ка мнѣ отвѣдать.

Алискаиъ (входя).

Ваше преподобіе, я ищу васъ всюду.

Капелланъ (жуя).

Что вамъ отъ меня надо, молодой человѣкъ?

Алискань.

Сегодня я встаю на ночную стражу...

Незамѣтно суетъ повару записку.

Записку въ пирогъ, получишь червонецъ.

Капелланъ.

А приняли вы очистительную ванну?

Алискань.

Принялъ, ваше преподобіе.

Капелланъ.

А сколько времени вы постились?

Алискань.

Два мѣсяца, ваше преподобіе.

Капелланъ.

Идите въ капеллу, молодой человѣкъ; завтра за обѣдней мы посвятимъ васъ въ рыцари.

Алисканъ.

Я готовъ.

Поваръ.

Готово, ваше преподобіе.

Докторъ.

А ты прибавилъ коры?

Капелланъ.

Закрывай блюдо и неси за мной.

СЦЕНА III.

Башня Неутѣшной Вдовы.

Изора.

Боже Милосердый! Легче быть рабыней у армянина, лучше таскать камни и бревна!— Алиса! Подойди сюда!

Алиса.

Что вамъ угодно, госпожа?

Изора.

Я умираю съ тоски, Алиса.

Алиса.

Терпите. Ярость любого дракона можно смягчить кротостью.

Изора.

Всѣ твои утѣшенія я знаю наизусть. Давай, поиграемъ лучше.

Алиса.

Въ шахматы или въ шашки?

Изора.

Нѣтъ... представь себѣ: я слушаю мессу, а онъ переодѣлся клеркомъ; въ церкви темно... негодяй слѣдитъ за мною... Клеркъ подходитъ съ молитвенникомъ... дай сюда книгу!

Алиса.

Вотъ—романъ о Флорѣ.

Изора.

Подойди, какъ онъ... вотъ такъ. Что онъ шепнетъ, пока я цѣлую молитвенникъ?

Алиса.

Конечно, онъ вздохнетъ прежде всего...

Изора.

Вотъ, я цѣлую молитвенникъ... онъ сказалъ: «Ахъ»; что же мнѣ отвѣчать?

Алиса.

Сначала надо отвѣтить осторожно; напримѣръ: «Что съ вами, рыцарь?»

Изора.

Ну, да... «Что съ вами, рыцарь?»—Что же онъ?

Алиса.

Онъ говоритъ: «Умираю».

Изора (входя въ роль).

«Отчего?»

Алиса.

«Отъ любви».

Изора.

«Вы любите?.. кого?..»

Алиса.

«Васъ».

Изора (опуская глаза).

«Что я могу?»

Алиса.

«Исцѣлить меня».

Изора.

«Какъ?»

Алиса.

«Хитростью».

Изора.

«Я надѣюсь на васъ»...

Алиса.

«Я готовъ».

Изора.

«На что?»

Алиса.

«Я приду»...

Изора.

«Куда?»

Алиса.

«Въ Башню Неутѣшной Вдовы»...

Изора.

«Какъ?»

Алиса.

«Потайнымъ ходомъ».

Изора.

«Когда?»

Стукъ въ дверь

Алиса.

Графъ!

Изора (увлекшись).
«Когда? Когда?»—Боже! Онъ слышалъ все!

Убѣгаетъ. Входятъ графъ и капелланъ.

Графъ.
Дай пирогъ!

Открываетъ крышку.
Гдѣ же верхъ пирога?

Капелланъ.
Я скушалъ его, заботясь о вашей чести...

Графъ.
Измѣнникъ! При чемъ тутъ моя честь?

Капелланъ.
Во-первыхъ, въ пироги иногда кладутъ ядъ. Во-вторыхъ, кушанья служатъ средствомъ для передачи записокъ...

Графъ.
Святой отецъ! Ты предусмотрительнѣе меня! Прости, что я тебя оскорбилъ!—Гдѣ жена?

Алиса.
Она совершаетъ вечернюю молитву.

Графъ.
Пускай помолится,—и да поможетъ ей Святой Іаковъ.

Алиса.

Ваша свѣтлость, на что вы похожи!
Въ два мѣсяца такъ перемѣниться!

Графъ.

Я знаю, что дѣлаю... лучше припрятать молодую жену въ надежное мѣсто, чѣмъ попусту терять время и трудъ... Какъ чувствуетъ она себя?

Алиса.

День ото дня теряетъ сонъ и аппетитъ.

Графъ.

Ей, пожалуй, опять что-нибудь снится?

Алиса.

Еще вчера... рыцарь...

Графъ.

Опять!

Алиса.

Прекрасный, какъ Святой Губертъ...

Графъ.

Проклятіе!

Алиса.

И притомъ, черты его напоминали ваши черты...

Графъ.

Мои!—Это хорошо. Очевидно дѣло идетъ на ладъ, если ей начинаютъ сниться такіе сны!

Алиса.

У госпожи есть одно смиренное желаніе, она не смѣетъ вамъ признаться...

Графъ.

Говорите и не бойтесь! Арчимбаутъ щедръ!

Алиса.

Увѣщанія святого отца помогли ей... она хотѣла бы помолиться въ церкви... мы только что говорили объ этомъ...

Графъ.

Доволенъ ты, святой отецъ?

Капелланъ.

Если моя смиренная молитва помогла заблудшему чаду...

Изора (входитъ).

Мой повелитель здѣсь...

Графъ.

Святой Іаковъ!
Какіе волосы!—Супругъ примѣрный
Давно бы ихъ остригъ!—Ну, ну, не плачьте...
Я пошутилъ...

Изора.

Что сдѣлала я вамъ,
Что вы меня томите въ этой клѣткѣ?

Графъ.

Романовъ развѣ не читали вы?
О рыцаряхъ вамъ развѣ сны не снились?

Изора.

Грѣхи сторицей искупила я...
Я такъ слаба... Я умереть готова...

Графъ.

Вы, говорятъ, просились въ церковь?

Изора.

Въ церковь?

Алиса дѣлаетъ ей знакъ.

Ахъ, да... къ молитвеннику приложиться...

Графъ.

Мнѣ эта просьба нравится.

Изора (плачетъ).

Жестоко

Меня оклеветали!

Графъ.

Завтра май,
А первый день весны—день первый года,
Вы знаете?

Изора.

Что мнѣ до мая?

Графъ.

Ждите,
Я васъ кой-чѣмъ развеселить съумѣю.
Вотъ ужинъ вамъ пока! Клянусь, пирогъ
На славу испеченъ, онъ приведетъ васъ
Въ хорошее расположенье духа!

Уходитъ съ капелланомъ.

Изора.

Чудовище! Который разъ—обманъ!

Алиса.

Однако, онъ сговорчивѣй, чѣмъ прежде...

Изора (глядя на розу въ окнѣ).

Вотъ такой былъ цвѣтокъ
У него на груди!
Вчерашній блѣдный бутонъ
Сталъ сегодня чернымъ, какъ кровь!
Завтра увянетъ
Съ жизнью моей...

Алиса.

Украсьте волосы розой...

Изора.

На что украшать мнѣ себя?
Всѣ измѣнили, всѣ обманули,
Даже уродъ, влюбленный въ меня!
Къ чему теперь ходъ потайной,
Если такъ жалокъ посолъ!

Алиса.

Можетъ быть, скоро вернется онъ...

Изора.

Нѣтъ надежды!
Давай хоть ужинать, Алиса! Разрѣжь пирогъ...

Алиса (рѣжетъ пирогъ).

Ахъ!

Изора.

Что съ тобой?—Что ты тамъ прячешь?

Алиса.

Нѣтъ, ничего...

Изора (вырывая записку).

Дай сюда! Вотъ онъ, наконецъ!

Алиса.

Госпожа...

Изора (читаетъ).

«Дама, чьи уста алѣе розы, чей голосъ звонче соловьинаго пѣнія, дайте мнѣ знакъ. Я буду ждать восхода луны...» О, какъ сладостенъ языкъ его любви!—Какого же знака онъ ждетъ?

Алиса.

Опомнитесь... это не вамъ...

Изора.

Сонъ, или счастье?.. Честный Бертранъ!.. Или все—сонъ?.. — Алиса, у тебя будутъ шелковыя ткани, драгоцѣнные камни... и самый красивый валетъ... Святой Видіанъ! Какой это знакъ?

СЦЕНА IV.

Розовая заросль.

Бертранъ.

Переночуй здѣсь, въ розовыхъ кустахъ.
Тебя никто не тронетъ.

Гаэтанъ.

Значитъ, завтра
Я буду пѣть у короля?

Бертранъ.

У графа,
Сказать хотѣлъ ты?

Гаэтанъ.

Такъ она—не дочь
Граллона стараго?

Бертранъ.

Все это сказки!
Не короля, а дочь простой швеи
Изъ Толозанскихъ Мукъ.

Гаэтанъ.

Простой швеи!
И старика, однако, погубила!

Бертранъ.

Напротивъ, онъ ей зла желалъ. Онъ заперъ
Ее въ высокой башнѣ.

Гаэтанъ.

Понимаю!
Я долженъ златокудрую изъ плѣна
Освободить!

ранъ.
Она—смугла. И косы
Черныѣе ночи у нея.

Гаэтанъ.

Но все же
Ее зовутъ Морганой? Или нѣтъ?

Бертранъ.

Тебѣ вѣдь все равно, кого ты будешь
Освобождать своею пѣсней. Вѣрь мнѣ.

Гаэтанъ.

Я вѣрю, братъ.

Бертранъ.

Ты разсказалъ мнѣ много
Прекрасныхъ сказокъ, много пѣсенъ спѣлъ...
Прости меня, мой разумъ простъ... не знаю,
Гдѣ вымыселъ, гдѣ правда у тебя...—
Такъ ты воспитанъ феей?

Гаэтанъ.

Да. Ты видишь,
Она дала мнѣ этотъ крестъ.

Бертранъ.

И пѣснь
Она тебя учила?

Гаэтанъ.

Да. Она — и море.

Бертранъ.

Что-жъ эта пѣсня значитъ? Объясни мнѣ,
Какъ радостью страданье можетъ стать?

Гаэтанъ.

Ты знаешь пѣсню. Что сказать мнѣ больше?

Бертранъ.

Мнѣ брезжитъ смыслъ, но умъ, простой и темный,
Всей свѣтлой глубины постичь не можетъ...—
Ты завтра будешь пѣть. Нарядъ красивый
Я принесу тебѣ сюда съ утра.
Теперь прощай. На стражу мнѣ пора.

СЦЕНА V.

Башня Неутѣшной Вдовы. Вдали—перекличка ночныхъ сторожей.

Алиса.

Полночь прошла, госпожа. Я задвину безполезную плиту. Графъ можетъ войти и увидѣть...

Изора.

Дѣлай, что̀ хочешь, мнѣ не на что больше надѣяться.

Алиса.

Вѣдь я говорила, что записка не къ вамъ...

Изора.

Кто посмѣетъ писать записки другимъ?

Алиса.

Госножа... валетъ прислалъ ее мнѣ...

Изора.

Не лги! Меня все равно не утѣшишь...

Алиса.

Я задвигаю плиту...

Изора.

Заклинаю тебя ангелами, архангелами, всѣми силами небеспыми, ты придешь ко мнѣ! Святой Видіанъ, сжалься надо мною!

Алиса.

Госпожа... вы больны... ложитесь...

Изора.

Оставь меня, уйди!

Алиса уходитъ.

Какъ бьется сердце!
Бейся, сожги мнѣ грудь!
Святой Видіанъ! Я сгораю!
Чу! Шорохъ въ розовыхъ кустахъ...
Святыми заклинаю! Это ты!..

Падаетъ на колѣни. Въ лунномъ лучѣ, надъ плитой, является образъ Гаэтана.

Ты! Ты! — Ты сонъ, или нѣтъ?
Странникъ! — Гдѣ роза твоя?—
На груди твоей—крестъ горитъ!..
О, не пугай крестомъ суровымъ!
Мать учила молиться меня,
Но пѣсня твоя — не о томъ...—

Что молчишь ты,
Неба посланникъ?
Сладко молиться тебѣ!..—
Громче, громче пой пѣсню твою!
О, соловьиный голосъ!
Ни одинъ соловей
Родины бѣдной
Не пѣлъ нѣжнѣе тебя!..
Да... Радость, радость... любить...
Страданье... не знать любви!..—
Ты смолкнулъ опять,
Только сердце стучитъ...—
Тотъ самый ликъ любимый!
Кудри свѣтлѣе льна
И синее пламя очей...
Не пугай же крестомъ,
Дай коснуться тебя!..

Алиса (за дверью).

Госпожа, госпожа...

Изора (срывая розу въ окнѣ).

Возьми эту розу!
Такъ черна моя кровь, какъ она!—
Не уходи! Съ ума сойду я!—
Ближе, ближе ко мнѣ подойди!..
Дай страшный твой крестъ
Черною розой закрыть!..

Падаетъ безъ чувствъ. Дверь открывается. Образъ исчезаетъ. Входятъ Алиса и Графъ.

Графъ.

Что съ ней?

Алиса.

Вы слышали крикъ? Она лишилась разсудка! Вотъ, до чего довела ее тюрьма!

Графъ.

Воды! Приведите ее въ чувство!—Еще! Она приходитъ въ себя! Она свободна,—скажите ей! Завтра—май! Бертранъ привезъ жонглера! Мы развеселимъ ее! Только приведите ее въ чувство!

СЦЕНА VI.

Дворъ замка.

Бертранъ.

Какъ ночь тревожна! Воздухъ напряженъ,
Какъ будто въ немъ—полетъ стрѣлы жужжащей...
Иль мнѣ мерещится, и ночь безъ сна
Измучила мое воображенье?—
Окно пустое. Изъ него она
Звала меня, и больше не зоветъ.—
А ты, товарищъ старый, радъ веснѣ?
Отцвѣтшія протягиваешь вѣтви
Въ окно пустое... Наконецъ, свѣтаетъ...
О, Господи, пошли ей мирный сонъ...
Освободи отъ образовъ туманныхъ
Изоры юной пламенную грудь...

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Цвѣтущій лугъ. Разсвѣтъ.

Алисканъ съ цвѣткомъ въ рукѣ.

Тяжела ты, стража ночная!
Въ сумракѣ синемъ капеллы
Всю ночь я глазъ не сомкнулъ...
Май, ласкаешь ты томное сердце!
Какъ прозраченъ утренній воздухъ!
О, какъ сладко поютъ соловьи!
Эта глупая дама, можетъ быть, думаетъ, что я въ ней нуждаюсь! Она не могла не получить записки... и однако... я ждалъ всю ночь... знака не было! Хорошо же, она раскается! Да, по правдѣ сказать, мнѣ смертельно надоѣла ея навязчивость...
О, какъ сладко поютъ соловьи!..
Благоуханіе розъ, какъ дыханье Изоры...—
Этимъ ли пальцамъ красивымъ сжимать
Грубое древко копья?
Нѣтъ, не на то я рожденъ!—

Куда, говорятъ, въ счастливомъ Аррасѣ
Вѣжливѣй люди, обычаи тоньше и
моды красивѣй!
Тамъ столы утопаютъ
Въ фіалкахъ и розахъ!
Тамъ льется рѣкою
Душистый кларетъ!
Дамы знаютъ науку учтивой любви!—
Развѣ сталъ бы тамъ старый ревнивецъ
Нарушать веселье придворныхъ?
«Ревность — отсталое чувство»,
Сказано, помнится, въ книгѣ латинской,
Что̀ отецъ мнѣ изъ Рима привезъ...
Смотрится въ прудъ.
Эти нѣжныя губы подобны
Прихотливому луку Амура,
Или — алымъ Изоры устамъ...
Ихъ мнѣ прятать подъ маской желѣз-
ной!
Этотъ розовый ноготь ломать
Рукоятью желѣзной меча!—
Нѣтъ! Другіе бы люди и моды,—
Проводилъ бы я въ розахъ съ Изорой
Не одну соловьиную ночь!..

СЦЕНА II.

Розовая заросль.

Бертранъ (несетъ одежду жонглера).

О, весна, какъ волнуешь ты кровь!
О, любовь, ты тяжеле щита!—

Спитъ странникъ старый...
Не слышитъ онъ соловьевъ...
Что̀ чернѣетъ
На крестѣ у него?—
Роза! — Черная роза!

Гаэтанъ (во снѣ).

Моргана! Оставь! Не души!

Бертранъ.

Гаэтанъ, проснись!

Гаэтанъ (просыпаясь).

Дочь, отца пощади!..
Братъ, это ты...
Мнѣ снилось... коварная дочь...
Отомкнула плотины...

Бертранъ.

Запахъ розъ душилъ тебя, другъ.
Что̀ у тебя на груди?

Гаэтанъ.

Смотри ка, роза
Упала съ куста
Сошюму мнѣ на грудь...

Бертранъ.

Красныя розы
Все надъ тобой...
Откуда же черный цвѣтокъ
Попалъ на сердце тебѣ?

Гаэтанъ.

Откуда-жъ еще
Могъ онъ упасть?

Бертранъ.

Скажи мнѣ: помнишь ли ты,
Что́ когда-то мнѣ обѣщалъ,
Когда я убить собирался тебя?

Гаэтанъ.

Помню. Исполню всѣ просьбы твои...

Бертранъ.

Отдай же мнѣ розу!

Гаэтанъ.

Легкая просьба!
Возьми, если хочешь!
Развѣ мало кругомъ цвѣтовъ?

Бертранъ (прячетъ розу подъ панцырь).

Младенецъ старый, не знаешь,
Что сдѣлалъ ты для меня!
Спасибо!—Вотъ красивый нарядъ:
Въ немъ менестрелемъ сегодня
На лугъ цвѣтущій явишься ты!

СЦЕНА III.

Цвѣтущій лугъ.

Дѣвушки (съ майскимъ деревомъ, поютъ).

Вотъ онъ, май, свѣтлый май,
Вотъ онъ, свѣтлый май!

Эй, хозяйка, ради Бога,
Не гони насъ отъ порога,
Кошелекъ тугой намъ дай!
Намъ не ѣсть, намъ не пить,
Намъ бы свѣчку засвѣтить,
Пречистой Дѣвѣ угодить!

Вотъ онъ, май, свѣтлый май!
Вотъ онъ, свѣтлый май!

Всѣ поля полны пшеницей,
Іисусъ воздастъ сторицей,
Жди спасенья, жди наградъ
За хлѣба и виноградъ!
Христа молимъ, Бога молимъ,
Пусть его Святая воля
Вамъ подастъ пресвѣтлый рай!

Вотъ онъ, май, свѣтлый май,
Вотъ онъ, свѣтлый май!

Во время пѣсни собираются всѣ участники празднества — отъ обѣдни: Графъ съ придворными, вассалами, гостями и рыцарями, Изора съ дамами. Трубы.

Графъ.

Бароны и богатѣи!
И на нашей улицѣ праздникъ!
Май принесъ намъ счастливую вѣсть!
Монфоръ, герой Палестины,
Маккавею подобный
Доблестью львиной,
Жжетъ и громитъ вѣроломныхъ
ткачей
И скоро будетъ сюда!
Не бойтесь, рыцари, больше
Ни вилъ, ни дубья!
Мы вновь—господа
Земель и за́мковъ богатыхъ!
Беззаботно отпразднуемъ нынѣ
Наступленье веселой весны!

Бертранъ (выходя изъ толпы).

Одно слово, ваша свѣтлость!

Графъ.

Ты что-то осмѣлѣлъ, Рыцарь-Несчастье!
По лицу твоему вижу, что ты собираешься

говорить некстати! Намъ и такъ весело, едва ли ты прибавишь веселья!

Бертранъ.

Господинъ, Монфоръ далеко...

Графъ.

Ты самъ сказалъ, на Толозанской дорогѣ!

Бертранъ.

Толозанская дорога длинна... Народъ волнуется...

Графъ (указывая на дѣвушекъ).

Вотъ нашъ народъ!

Бертранъ.

Альби, Каркассонъ, Валь д'Аранъ объяты возстаньемъ...

Графъ.

Довольно! Шуты веселѣй тебя! Я больше не слушаю! Трубы! — Пускай приблизится сюда нашъ вѣрный Алисканъ!

Бертранъ уходитъ въ толпу. Алисканъ преклоняетъ колѣно, графъ наноситъ ему легкій ударъ мечомъ, плашмя. Рыцари привязываютъ золотыя шпоры.

Алискань.

Дама, позволите ли мнѣ быть вашимъ рыцаремъ?

Изора разсѣянно протягиваетъ руку для поцѣлуя, Алискань садится у ея ногъ.

Графъ.

Завтра—турниръ, и ты покажешь примѣръ всѣмъ рыцарямъ! Теперь — пускай усладятъ намъ слухъ пѣвцы.

Первый менестрель выходитъ изъ толпы.

Изора (Алисѣ).

Это новый менестрель?

Алиса.

Нѣтъ. Другой.

Алискань.

Прошлогодній.

Изора.

Рыцарь, я не просила васъ шутить.

Менестрель (поетъ).

Люблю я дыханье прекрасной весны
И яркость цвѣтовъ и деревъ;

Я слушать люблю средь лѣсной тишины
Пернатыхъ согласный напѣвъ
Въ сплетеньи зеленыхъ вѣтвей;
Люблю я палатокъ бѣлѣющій рядъ,
Тамъ копья и шлемы на солнцѣ горятъ,
Разносится ржанье коней,
Сердца крестоносцевъ подъ тяжестью латъ
Безъ устали бьются и боемъ горятъ.

Люблю я гонцовъ неизбѣжной войны,
О, какъ веселится мой взоръ!
Стада съ пастухами бѣгутъ, смятены,
И трубный разносится хоръ
Сквозь топотъ тяжелыхъ коней!
На за́мокъ свой дружный напоръ устремятъ,
И рушатся башни, и стѣны трещатъ,
И вотъ—на просторѣ полей—
Могилъ одинокихъ задумчивый рядъ,
Цвѣты полевые надъ ними горятъ.

Люблю, какъ вассалы, отваги полны,
Сойдутся другъ съ другомъ въ упоръ!
Ихъ шлемы разбиты, мечи ихъ красны,
И мчится на вольный просторъ
Табунъ одичалыхъ коней!
Героемъ умретъ, кто героемъ зачатъ!
О, какъ веселится мой духъ и мой взглядъ!
Пусть въ звонъ щитовъ и мечей
Всѣ славною кровью цвѣты обагрятъ,
Никто предъ врагомъ не отступитъ назадъ!

Графъ.

Что-то ужъ очень воинственна твоя пѣсня, жонглеръ! Военныя заботы и такъ утомили насъ! Пускай другой споетъ что-нибудь повеселѣе!

Второй менестрель (поетъ).

Черезъ лѣсъ густой
Вешнею порой
Майскимъ вечеркомъ
Ѣхалъ я верхомъ
Изъ Дуэ въ Аррасъ!
Доренло, въ Аррасъ!
Вдругъ—красотки двѣ
Въ злакахъ и цвѣтахъ,
Вѣнокъ на головѣ,
Свѣтлый май въ рукахъ—
Встрѣчу мнѣ, какъ разъ!
Доренло, какъ разъ!
Свѣтлый даръ веснѣ,
Май несутъ онѣ,
Свѣтлый май несутъ,
Пляшутъ и поютъ:
Доренло, я люблю!
Доренло, я люблю!
Я съ коня сошелъ,
Къ нимъ я подошелъ
— Можно мнѣ итти?
Съ вами по пути?

Доренло, я люблю!
Доренло, я люблю!

Рѣзвясь и шутя,
И вѣнки плетя,
Шли всѣ вмѣстѣ мы...

Гдѣ ты, мой Аррасъ!
Гдѣ ты, мой Аррасъ!

Я вѣнки сплеталъ,
Пѣлъ и танцовалъ,
Вмѣстѣ пѣли мы:

Какъ люблю я васъ!
Какъ люблю я васъ!

Графъ.

Пѣвцу за сладкую пѣсню лучшее платье съ моего плеча!—Пей и ѣшь съ нами, разсказывай намъ сказки все лѣто!

Изора.

Гдѣ же новый менестрель?

Алиса.

Вотъ онъ выходитъ изъ круга...

Изора.

Который?

Алиса.

Видите, одежда блеститъ...

Изора.

Этотъ маленькій, въ бубенчикахъ?

Алискантъ.

Да онъ ростомъ съ великана...

Изора.

Рыцарь, не говорите со мной!—Стройный, свѣтлокудрый?

Алиса.

Нѣтъ, сѣдые волосы блестятъ на солнцѣ...

Изора (равнодушно откидываясь на спинку скамьи).

Старикъ!

Гаэтанъ (поетъ).

Реветъ ураганъ,
Поетъ океанъ,
Кружится снѣгъ,
Мчится мгновенный вѣкъ,
Снится блаженный брегъ!
Въ темныхъ разсѣлинахъ ночи
Прялка жужжитъ и поетъ.
Пряха незримая въ очи
Смотритъ и судьбы прядетъ.

Смотритъ чертой огневою
Рыцарю въ очи закатъ,
Да надъ судьбой роковою
Звѣздныя ночи горятъ.

Міра восторгъ безпредѣльный
Сердцу пѣвучему данъ.
Въ путь роковой и безцѣльный
Шумный зоветъ океанъ.

Сдайся мечтѣ невозможной,
Сбудется, что суждено.
Сердцу законъ непреложный —
Радость-Страданье одно!

Путь твой грядущій—скитанье,
Шумный поетъ океанъ.
Радость, о Радость-Страданье—
Боль неизвѣданныхъ ранъ!

Всюду—бѣда и утраты,
Что тебя ждетъ впереди?
Ставь же свой парусъ косматый,
Мѣть свои крѣпкія латы
Знакомъ креста на груди!

Реветъ ураганъ,
Поетъ океанъ,
Кружится снѣгъ,

Мчится мгновенный вѣкъ,
Снится блаженный брегъ!

Во время пѣсни Изора, волнуясь, наклоняется впередъ и

незамѣтно для себя опирается на плечо Алискана.

Алиса.

Ей дурно, помогите!

Алисканъ.

Помогите!

Изора (лишаясь чувствъ).

Этотъ голосъ мнѣ снился!

Графъ.

Старикъ, или ты забылъ, что въ природѣ—весна? Твоя пѣсня пахнетъ мокрымъ февралемъ, какъ твои сѣдины! Нечего сказать, веселаго скомороха привезъ намъ Рыцарь-Несчастье!

Гаэтанъ пропадаетъ въ толпѣ.

Изора (приходя въ себя).

«Радость-Страданье»... страданье...

Алиса.

Госпожа бредитъ!

Изора.

Нѣтъ... мнѣ легко... гдѣ старикъ?

Алисканъ.

Старикъ исчезъ.

Изора.

Пажъ... рыцарь! Помогите мнѣ.

Графъ.

Трубачи, трубите! Шутовъ сюда!

Выбѣгаютъ жонглеры.

Первый жонглеръ.

Рыцари, бароны и прекрасныя дамы! Я разскажу о славномъ королѣ Артурѣ...

Второй жонглеръ.

Не слушайте его, благородные рыцари!
Я играю на цитрѣ и хожу на головѣ!..

Изора.

Рыцарь, снились вамъ странные сны?

Алисканъ.

Дама, есть лѣкарство отъ страшныхъ сновъ:
Запахъ розъ и фіалокъ,
Звонъ лютни, преданный рыцарь у ногъ...

Графъ.

Веселѣй, шуты, старайтесь, выходите изъ себя!

Первый жонглеръ.

Я спою о вѣрныхъ любовникахъ: о Геро и о Леандрѣ! О Еленѣ и о Парисѣ!

Второй жонглеръ.

А я пляшу на канатѣ, прыгаю въ обручъ, играю ножами!

Алисканъ.

Какъ Нарциссъ влюбленный,
Отражаюсь въ вашихъ очахъ...

Изора.

Вы льстите мнѣ, рыцарь...

Первый жонглеръ.

А вотъ какъ Нарциссъ смотрѣлъ въ воду и утонулъ...

Второй жонглеръ.

Вамъ угодно шлемовъ для зайцевъ? Уздечекъ для коровъ? Перчатокъ для собакъ?—

Имѣйте въ виду, я ставлю также банки быкамъ и пускаю кровь кошкамъ!

Алискант.

Что красавицы Арраса
Передъ свѣтомъ вашихъ очей?

Изора.

Дамы, закройте меня
Отъ взоровъ гостей и вассаловъ...

Алискант.

Чудо красы такое
Къ чему отъ свѣта скрывать?

Изора.

Ахъ, у туфли распустилась шнуровка...
Зашнуруйте мнѣ, рыцарь...

Издали доносятся звуки трубъ.

Рыцарь.

Ваша свѣтлость! Враги! Крестъ на красномъ полѣ!

Графъ.

Знамя Тулузы!—Поднимите мостъ!

Вассалы.

На консй!—Къ оружію!—Ткачи! Во имя Бога и Монфора!

Бертранъ (бросаясь въ битву).

Святая Роза!

СЦЕНА IV.

Переходъ въ замкѣ.

Первый Рыцарь.

Да войско-ль это? Графъ Раймундъ согналъ
Оборванныхъ ткачей со всей Тулузы!

Второй Рыцарь.

Я рыцарей, однако, видѣлъ самъ:
Тотъ великанъ съ дельфиномъ на щитѣ...

Первый Рыцарь.

Котораго Бертранъ свалилъ на землю?

Второй Рыцарь.

Да, я тому свидѣтель. Нашъ Бертранъ
Съ нимъ бился долго; наконецъ, ударомъ
Рѣшительнымъ свалилъ его съ сѣдла
И наступилъ ему на грудь, заставивъ

Просить пощады... Дрогнули тогда
Войска Раймунда и бѣжать пустились!..
«Несчастьемъ» звали мы того, кто бился
Храбрѣе всѣхъ и бой рѣшилъ...

Первый Рыцарь.

Онъ раненъ?

Второй Рыцарь.

Да, онъ не то, что новый рыцарь нашъ...

Первый Рыцарь.

А, правда, Алискансъ не вышелъ въ поле..

Входятъ графъ и вассалы.

Графъ.

Мечи въ ножны, вассалы! Бой за нами!
Широкій путь расчищенъ для Монфора!
Бѣгутъ, какъ зайцы, жалкіе ткачи!

Вассалы.

Да здравствуютъ Монфоръ и Арчимбаутъ!

Второй Рыцарь.

Побѣдой мы обязаны Бертрану...

Графъ.

Бертрану? Да, онъ славно бился нынче,
Но велика-ль заслуга разогнать
Разбойниковъ?

Первый Рыцарь.

Ткачей тулузскихъ шайку,
Мечами не умѣющихъ владѣть!..

Второй Рыцарь.

Однако, раненъ онъ...

Графъ.

Такъ что же?—Раны—
Честь Рыцарю!—А впрочемъ, пусть сегодня
Онъ отдохнетъ!—Свободенъ онъ отъ стражи!—
Теперь, вассалы, на покой! Пусть завтра
Возобновится праздникъ нашъ!—Турниръ,
А за турниромъ—пиръ!—Покойной ночи!
Всѣ расходятся.

Алиса (входитъ).

Святой отецъ!

Капелланъ.

Что, дочь моя?

Алиса.

Душа моя больна...

Капеллан.

Завтра, завтра, ужь поздно, какая теперь исповѣдь...

Алиса.

Но, отецъ мой...

Капелланъ.

Впрочемъ, сегодня, близъ полуночи, я буду на дворѣ...

Алиса.

Я тоже буду тамъ, святой отецъ...

Расходятся.

Бертранъ (входитъ).

Какъ ночь черна. Темно въ глазахъ.

Второй Рыцарь.

Бертранъ,

Вы ранены?

Бертранъ.

Пустое.

Второй Рыцарь.

Графъ сегодня,
Отъ стражи васъ освобождаетъ.

Бертранъ.

Рыцарь,
Я благодаренъ графу за заботу.

Второй Рыцарь.

Сегодня спать имѣете вы право:
Вы насъ спасли отъ ярости Раймунда...

Бертранъ.

Благодарю васъ, другъ. Покойной ночи.

Рыцарь уходитъ.

Отдыхъ... или отдыхъ вѣчный?
О, какъ рана сердце жжетъ!
Прямо въ розу на груди
Тотъ ударъ меча пришелся...

Изора (появляется на верху лѣстницы).

Это вы, Бертранъ? Всѣ спятъ?

Бертранъ.

Спятъ. Ужь поздно, госпожа.

Изора.

Бились вы, какъ храбрый воинъ.

Бертранъ.

Госпожа, лишь вы не спите.
Развѣ все еще вамъ снятся
Эти сны тяжелые?..

Изора.

Спать мѣшаетъ мнѣ весна.
Сны—ихъ больше нѣтъ... Исчезли
Тѣ видѣнья страшныя...
Правда, былъ онъ только сномъ?

Бертранъ.

Только сномъ. Мечтою вашей.

Изора.

Только сномъ... Моей мечтой...
Что сжимаете вы въ пальцахъ
На груди своей, Бертранъ?

Бертранъ.

Розу вѣрности моей.

Изора.

Розу вѣрности... о, да!
Всѣхъ спасла насъ вѣрность ваша!

Бертранъ.

Только долгъ я свой исполнилъ.

Изора.

Вамъ Господь воздастъ за это...
Васъ, Бертранъ, Онъ создалъ вѣрнымъ,
Вѣроломною—меня...
Рыцарь, развѣ я виновна,
Что теперь въ природѣ май?..

Бертранъ.

Нѣтъ. Ни въ чемъ вы невиновны.

Изора.

Рыцарь... ночью—вы на стражѣ?

Бертранъ.

Если я вамъ нуженъ,—да.

Изора.

Онъ придетъ ко мнѣ... поймите...
Вы одинъ... кругомъ враги...
Вы должны подать мнѣ знакъ...
Звонъ меча—не больше... Рыцарь!
Май прекрасенъ!

Бертранъ.

Да. Какъ вы.

Изора.

Рыцарь, вотъ моя рука...
Знаю, вамъ наградъ не надо...

Бертранъ.

Госпожа моя! Священна
Ваша воля для меня.
Я коснуться недостоинъ
Вашей розовой руки.

СЦЕНА V.

Дворъ замка.

Бертранъ.

Тише, сюда, осторожнѣй!
Въ тѣнь, гдѣ не свѣтитъ луна!
Видишь яблони стволъ?
Вѣтви ея
Съ окномъ наравнѣ.

Алискапъ.

Какъ же мнѣ взобраться по голому стволу?

Изора (въ окнѣ).

Ты, Алисканъ?

Алисканъ.

Я.

Изора.

Ко мнѣ! сюда!

Бертранъ.

Встань на плечи мнѣ!—
Такъ!—Дальше взобраться не трудно.

Изора.

Возлюбленный! Ликъ твой сіяетъ!
Весь ты—страсть и весна!
Развѣ видѣла прежде тебя я?
Въ первый разъ такой красотой
Ликъ твой горитъ!
О, вотъ онѣ,
Земныя горячія руки!
Вотъ они, земныя уста!
Не призракъ, не сонъ ты!
Счастье! Счастье!—
Кто тамъ внизу?

Алискант.

Это — Рыцарь-Несчастіе. Благодарю васъ,
Бертранъ!

Изора.

Бертранъ, это вы?

Бертранъ.

Я, госпожа.

Изора.

Какъ ночь прекрасна!

Бертранъ.

Да, госпожа.

Изора.

Рыцарь! А просьба моя?

Бертранъ.

Госпожа, я на стражѣ—всю ночь.
Вы услышите звонъ меча.

Изора.

Спасибо, вѣрный слуга...
Но... отойдите теперь отъ окна...

Бертранъ.

Я отойду.

Становится въ тѣнь у стѣны.

Счастлива будь, Изора!
Мальчикъ красивый
Лучше туманныхъ и страшныхъ сновъ!
Пусть найдетъ
Покой и усладу
Бурное сердце твое!
О, какъ далекъ отъ тебя, Изора,
Тотъ феей данный,

Тотъ выцвѣтшій крестъ!—
Цвѣти, о, роза,
Въ саду завѣтномъ,
Благоухай, пока надъ міромъ
Плыветъ священная весна!
Храни, Изора,
Душу младую
На черные дни.
Слышу я, слышу,
Волны бушуютъ,
Реветъ океанъ,
Крестъ горитъ надъ вьюгой,
Зоветъ тебя въ снѣжную ночь!
Раны болятъ...
Силы слабѣютъ!
Тверже стой на стражѣ, Бертранъ!
Обопрись на мечъ!
Не увянетъ роза твоя.

Изора (въ окнѣ).

Рыцарь! Со мною! Со мною!
Жаркая кровь!
Благоуханная ночь!
Счастье вернулось опять!
Страшные сны миновались!
Сны мнѣ снились
Лишь о тебѣ!—
Нѣтъ, молчи, я знаю...
Развѣ до сновъ намъ!
Развѣ до пѣсенъ теперь...

Скрывается въ окнѣ.

Бертранъ.

Тверже стой на стражѣ, Бертранъ!
Проклятыя раны,
Не жгите мнѣ сердца!
Роза, гори, гори!
Чу! Трубы!..
Изъ рокота волнъ
Рожденныя трубы
Громче, все громче зовутъ!
Розовый свѣтъ блеснулъ
На гребняхъ бѣлыхъ
Свинцовыхъ ночныхъ валовъ!
О, какая мука!
И сладость—за мукою вслѣдъ!
Неземная сладость
Повѣяла въ сердце!
Какъ ночь прекрасна!

Входятъ Капелланъ и Алиса.

Капелланъ.

Теперь вы не откажетесь отъ этого подарка,
красавица...

Алиса.

Ахъ! какой красивый перстень!

Капелланъ.

Драгоцѣнный, плутовка...

Алиса.

Святой отецъ, вашъ санъ...

Капелланъ.

А чѣмъ я хуже рыцаря?

Алиса.

Ахъ, рыцари такіе обманщики...

Капелланъ.

О, я васъ не обману...—Тише! Слышите... шопотъ? И будто... звукъ поцѣлуя...

Алиса.

Да...

Капелланъ.

Послушаемъ еще.

Луна освѣщаетъ Бертрана.

Алиса.

Святые угодники!.. тамъ сторожъ... у стѣны...

Капелланъ.

Да... онъ.

Алиса.

Уйдемъ...

Капелланъ.

Зачѣмъ онъ здѣсь?

Алиса.

Не ходите, святой отецъ... я боюсь... не знаю чего... смотрите... онъ неподвиженъ... лицо бѣлѣе холста... черное пятно на груди...

Капелланъ.

Уйдемъ... разбудимъ графа...

Уходятъ.

Бертранъ.

Какъ ночь прекрасна!
Чу, въ торжественный голосъ трубъ
Врывается шелестъ...
Нѣтъ, опять тишина...
Больше ничѣмъ не нарушенъ покой.
Боже, Твою тишину громовую
Явственно слышитъ
Бѣдный Твой рабъ!
Рана открылась,
Силы слабѣютъ мои...
Роза, гори!
Смерть, умудряешь ты сердце...
Я понялъ, понялъ, Изора:
«Сердцу законъ непреложный—
Радость-Страданье одно...
Радость, о, Радость-Страданье,
Боль непзвѣданныхъ ранъ!..»

Изора (въ окнѣ).

Слаще мнѣ жизни милой,
Ярче мнѣ утра
Твои поцѣлуи!
Ночь блѣднѣетъ... смотри...

Бертранъ со звономъ роняетъ мечъ на плиты.

Ты слышишь... ударъ меча...
Прощай! До завтра... бѣги!..

Алисканъ быстро спускается по стволу яблони и бѣжитъ.

Рыцарь! Рыцарь!
Развѣ что-нибудь слышали вы?

Слышны голоса, Изора скрывается въ окнѣ. Входятъ Графъ, Капелланъ, Алиса, Докторъ, рыцари.

Графъ.

Что случилось? Зачѣмъ ты разбудилъ меня?

Капелланъ.

Ваша милость, мнѣ почудилось недоброе...

Алиса.

Подозрительно... въ окнѣ у госпожи...

Графъ.

Бертранъ! — Рыцарь-Несчастье! — Сторожъ
Ты спишь?

Докторъ.

Ваша свѣтлость, онъ мертвъ.

Изора (въ окнѣ).

Зачѣмъ меня будятъ такъ рано?

Графъ.

Это вы? Вы не спите?

Изора,

Если вы не вѣрите мнѣ, можете обыскать мои покои... Что случилось?

Графъ.

Сторожъ умеръ здѣсь на дворѣ...

Докторъ.

Сколько крови! Сколько крови!

Графъ.

Какая досада! Кто же теперь будетъ стеречь замокъ?—Изора, что съ вами?—Вы плачете?

Изора.

Мнѣ жаль его. Онъ былъ все-таки вѣрнымъ слугой.

Конецъ.

1912.

Книги того-же автора.

Стихи о Прекрасной Дамѣ. Москва, 1905. Изд. «Грифъ» (*распродано*).

Нечаянная Радость. Москва, 1907. Изд. «Скорпіонъ» (*распродано*).

Снѣжная маска. С.-Пб., 1907. Изд. «Оры» (*распродано*).

Земля въ Снѣгу. Москва, 1908. Изд. «Золотое Руно» (*распродано*).

Лирическія драмы. С.-Пб., 1908. Изд. «Шиповникъ» (*распродано*).

Ночные Часы. Москва, 1911. Изд. «Мусагетъ» (*распродано*).

Собраніе стихотвореній въ трехъ книгахъ. Москва, 1911—12. Изд. «Мусагетъ» (*распродано*).

Сказки (стихи для дѣтей). Москва, 1912. Изд. Сытина (распродано).

Круглый Годъ (стихи для дѣтей). Москва, 1912. Изд. Сытина (распродано).

Стихи о Россіи. 1915. Изд. «Отечество»; ц. 40 к.

Стихотворенія въ трехъ книгахъ. Москва, 1916. Изд. «Мусагетъ» (*распродано*).

Двѣнадцать. Скиѳы. Предисловіе Иванова-Разумника. С.-Пб., 1918. И-во «Революціонный Соціализмъ», ц. 1 р.

Стихотворенія въ трехъ книгахъ. С.-Пб. 1918. К-во «Земля».

Театръ. Москва, 1916. Изд. «Мусагетъ» (*распродано*).

Ф. Грилльпарцеръ. Праматерь (Die Ahnfrau). Драма въ пяти дѣйствіяхъ въ стихахъ. Переводъ А. Блока (*печат. 2-е изданіе*).

Г. Флоберъ. Переписка, въ трехъ частяхъ. Переводъ А. А. Кублицкой-Піоттухъ, подъ ред. А. Блока. Изд. «Шиповникъ». Часть первая, 1915; ц. 3 р.

Собраніе стихотвореній Аполлона Григорьева. Собралъ и примѣчаніями снабдилъ А. Блокъ. Изд. Некрасова. Москва, 1915; ц. 3 р. 50 к.

ц. 7 р.

